

ЧУВСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
СТЕРНА

В О
ФРАНЦІЮ.

сЪ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,

ВЪ Губернской Типографіи у А.
Рѣшешникова, 1803 года.

*Съ дозволенія Московскаго
Гражданскаго Губернатора.*

Е Г О

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Г о с п о д и н у

Дѣйствительному Тайному Совѣшнику,
Государственнаго Совѣша члену,
Министру Юстиціи, Сенатору.

О р д е н о в ъ :

Св: Александра Невскаго, Св: Анны
1го Класса, Св: Равноапостоль-
наго Князя Владиміра большаго
Креста 2й степени Кавалеру и Св:
Іоанна Іерусалимскаго Командору,

Г А В Р І И Л У Р О М А Н О В И Ч У

Д Е Р Ж А В И Н У

Милостивому Государю,

Вѣ малѣйшей знакѣ
истинной, сердечной благодарности.

Предъ цѣлымъ свѣтомъ, я гоговъ
всегда признаюсь:
Державинъ способъ далъ мнѣ
жизнью наслаждашся.

П. Домогацкой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

в ш о р о й ч а с т и.

<i>Глав.</i>		<i>Стр.</i>
I.	Горничная дѣвушка.	1
II.	Паспортъ.	14
III.	Скворецъ-	20
IV.	Невольникъ	30
V.	Анекдоты.	34
VI.	Прошеніе.	39
VII.	Сахарные пирожки.	47
VIII.	Шпага.	56
IX.	Способъ называться.	62
X.	Время проведеніе.	76
XI.	Ошступленіе.	82
XII.	Характеръ.	85
XIII.	Искушеніе.	94
XIV.	Н'ny soit qui mal уrense	103
XV.	Тайна.	106
XVI.	Дѣйствіе совѣсти.	110
XVII.	Загадка.	115
XVIII.	Воскресенъе.	122
XIX.	Непредвидимое упраж- неніе.	128

II**О г л а в л е н і е.**

Г л а в.		Стр.
XX.	Другой отрывокъ. . .	133
XXI.	Букетъ цвѣповъ. . .	147
XXII.	Дѣйствіе благошворенія	149
XXIII.	Отгадка.	157
XXIV.	Опытъ.	159
XXV.	Юлія.	171
XXVI.	Продолженіе о Юліи. . .	179
XXVII.	Распаваніе.	183
XXVIII.	Похвала чувствитель- ности.	186
XXIX.	Ужинъ и благодаренія.	189
XXX.	Слѣдствіе ошорожно- сти.	196

ЧУВСТВЕННОЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
СТЕРНА

В О
ФРАНЦІЮ.

ГЛАВА I.

Горничная дѣвушка.

Мнѣніе стараго офицера о путешествіяхъ напомнило мнѣ совѣщанія Полонія, копорые далъ онъ на подобный случай своему брату;

Часть II. А

эти совѣты напомнили мнѣ Гам-
леша; а Гамлешъ напомнилъ мнѣ
о другихъ твореніяхъ Шекспира.
Идучи назадъ зашелъ я въ книж-
ную лавку, чтобъ купить полное
его сочиненіе.

Книгопродавецъ сказалъ мнѣ,
что хощя у него и много есть
Шекспировыхъ твореній, но пол-
наго собранія нѣтъ. — А это что?
спросилъ я увидѣвъ на прилавкѣ
цѣлой экземпляръ. —

Это чужія книги, отвѣчалъ
онъ: Графъ В* сего дня по утру
прислалъ ихъ ко мнѣ отдашь пе-
реплѣсть. — Что онъ будетъ съ
ними дѣлать? Не уже ли Графъ

В* читаетъ Шекспира? — О сударь! перервалъ книгопродавецъ : онъ преумной человекъ! . . . Онъ очень любитъ Англійскія книги, а Англичанъ и того больше. —

Вы такъ вѣжливы, продолжалъ я, что заставите всякаго Англичанина изъ благодарности, купить у васъ на нѣсколько лундировъ.

Книгопродавецъ поклонился, и только хотѣлъ что-то говорить, какъ вдругъ вошла въ лавку дѣвушка — лѣтъ около двадцати, очень порядочно одѣшая. Взглянувъ на нее, не знаю по чему-то можно было догадываться, что она

жила въ услуженіи у какой ни-
нибудь модной богомолки.— Пожа-
луйше мнѣ книгу: *заблужденіе сердца*
и разумо, сказала она. Книгопрода-
вецъ ей подалъ, а дѣвушка вынувъ
изъ кармана маленькой ашласной зе-
леной кошелекъ, здернутый ша-
кого же цвѣта снуркомъ — раздер-
нула и съ нѣжностію безъ жеман-
ства, опустила туда два пальчи-
ка, достала деньги и заплашила.
Ничто не могло меня тогда удер-
жать въ лавкѣ — я полетѣлъ за
нею.

На что тебѣ моя милая!
спросилъ я ее: *заблужденіе сердца*?
Не уже ли ты знаешь, что такое
заблужденіе сердца? Можешь быть

тебѣ исполковала это любовь? ... Или какой нибудь не вѣрной пасшукѣ далъ тебѣ объ этомъ понятіе? —

Боже меня сохрани! отвѣчала она. — Вѣрю милая, вѣрю. Ты имѣешь не испорченное сердце, и жалко будетъ, когда оно попадетъ въ заблужденіе. Это такое неоцѣненное богатство, которое украситъ тебя несравненно лучше, нежели всѣ жемчуги и алмазы.

Дѣвушка держала кошелекѣ за снурочикѣ и слушала меня очень внимательнo. — Кошелекѣ твой не сѣ лишкомѣ тяжелѣ, ска-

залъ я взявъ его у ней; но что до этого! если будешь ты также добродѣтельна, какъ прекрасна, то Богъ наполнишь его. У меня въ рукахъ было пять или шесть ефимковъ, которые вынулъ было на покупку Шекспира; одинъ изъ нихъ положилъ я въ ее кошелекъ, и задержавъ его снуркомъ, ошдалъ ей.

Она поблагодарила меня ласковымъ поклономъ. Я понялъ его; онъ означалъ скромное, сердечное изліяніе благодарности, въ которомъ всего болѣе участвовало сердце. Въ такихъ случаяхъ оно всегда производитъ подобныя движенія. Никогда и ни одной жен-

динѣ не давалъ я денегъ съ такимъ большимъ удовольствіемъ.

Безъ этой бездѣлицы милая! незначили бы для тебя ничего мои совѣты. Но когда взглянешь ты на ефимокъ, то и вспомнишь объ нихъ. Не промѣнивай его на леншы, душенька! —

Ахъ сударь! увѣряю васъ, ефимокъ вашъ всегда будетъ при мнѣ; я спрячу его какъ можно дальше.

Какой бы ни былъ шайной разговоръ между мужчины и женщины, но какъ скоро онъ основывается на добродѣтельныхъ правилахъ, то не шокмо онъ, но

и самыя тайныя ихъ бесѣды, не могутъ быть подозрительны. Уже смеркалось, и намъ надобно было итти въ одну сторону, по чему мы — безъ всякаго сныда пошли вмѣстѣ по набережной.

При выходѣ изъ лавки, дѣвушка опять мнѣ поклонилась; мы не успѣли отойти двадцати шаговъ, какъ она подумавъ, что оказанныя ею благодарности не соразмѣрна моему одолженію, остановилась и — еще стала благодарить меня.

Это ничто иное, сказалъ я: какъ одна не большая дань добродѣтели. . . Впрочемъ я бы крайне

огорчился , еслибы доброе твое сердце , не соотвѣтствовало моей надеждѣ. Но нѣтъ , моя милая ! невинность написана на лицѣ твоёмъ , и горе тому злодѣю , который захочетъ на нее покуситься !

Дѣвушка , казалось , чувствительно была пронута моими словами . . . Она шяжко вздохнула . Я не захопѣлъ спрашивать у ней о причинѣ вздоха . Мы молчали до того мѣста , гдѣ поворачивающъ въ улицу *Венеция* , и у котораго мы должны были расстаться .

Не эта ли дорога , моя милая , спросилъ я : къ Моденскому

пракширу? — Эша, сударь! но можно пройти и по свѣтлой улицѣ. — Такъ я пойду по свѣтлой, и для того что мнѣ будетъ веселѣе, и для того, чтобы долѣе идти съ тобою.

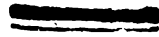
Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы Моденской пракширѣ былъ въ приходѣ Петра и Павла. — Не попому ли, миленькая, что ты живешь тамъ? — Точно такъ сударь: я горничная дѣвушка Госпожи Р* — Какъ! это вѣрно та самая, къ которой поручено мнѣ опнести письмо изъ Амїена! — Она подтвердила мою догадку, сказавъ, что Госпожа Р*, давно уже ждетъ къ себѣ какого то иностранца. — Такъ здѣлай же

одолженіе, моя милая, скажи своей барынь, что ты этого иностранца нашла; поклонись отъ меня, и доложи, что заирѣ по ушу я буду имѣшь честь быть у ней.

Это сказано уже было на концѣ Гвенеодской улицы. Мы остановились; дѣвушка захопѣла спрятавъ книги свои въ карманѣ, и я — помогъ ей въ помѣ.

Какъ пріятно чувствовать взаимную нѣжность, соединяющую наши стремленія!

Мы пошли опять... и не отошедъ трехъ шаговъ, она взяла меня за руку. Мнѣ и самому

хотѣлось этого, но она предупредила меня, и съ такимъ не принужденнымъ простодушіемъ, которое ясно показывало, что ей никакъ не приходило въ голову, что она меня еще первый разъ видитъ.

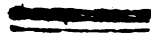
Въ эту самую минушу, я живо почувствовалъ, какъ называютъ, вліяніе кровной связи. Я смотрѣлъ на нее пристально, какъ бы думалъ найти въ ней, какія нибудь семейственныя сходства. . . Не связаны ли мы всѣ, воображалъ я, не разрывными узлами родства?

Выходя изъ сѣнчонной улицы, я остановился, чтобъ проститься

съ дѣвушкою. Она еще поблагодарила за учтивость мою и за соповарищество. Не легко было намъ распаваться. Мы прощались дважды. Распаванье наше было такъ дружественно, что мнѣ кажется, въ другомъ бы случаѣ, заключилъ его самымъ пламеннымъ, священнымъ поцѣлуемъ.

Но въ Парижѣ мужчина съ женщиною ни когда не цѣлуются — явно.

Я лучше здѣлалъ. Я молилъ Бога о ея благополучіи.

Г Л А В А II.

П а с л о р т ъ .

По возвращеніи моемъ въ шпирь, Лафлеръ сказалъ мнѣ, что приходилъ полицейской офицеръ, и спрашивалъ кто я таковъ. — Провалъ его возьми! я догадываюсь за чѣмъ онъ ко мнѣ пожаловалъ. Пора уже объ этомъ сказать и моему чипашелю. Я пропустилъ это шамъ, гдѣ требовалъ порядокъ — не отъ того, чтобы забылъ, но потому, что ечишалъ лучше упомянуть здѣсь.

Я выѣхалъ изъ Лондона такъ успѣшно, что и не вспомнилъ

о раздорѣ Англїи съ Франціею. Уже прїѣхалъ я въ Дувръ, и видѣлъ помощію очковъ моихъ, возвышающіяся горы за Булономъ; а мысль о войнѣ, также и опомъ, что безъ паспорта не лзя путешествовать по Франціи, не приходила мнѣ въ голову. Если пройти одну улицу и ворошишься домой съ прежнимъ умомъ, то и это для меня чрезвычайно несносно; а не только чтобъ отѣхавъ такъ далеко, прїѣхать безъ всякаго успѣха въ Лондонъ, и тогда особливо, какъ путешествованіе мое имѣло единственною цѣлю, прїобрѣтеніе различныхъ познаній. Мнѣ сказали, что Графъ

Г* нанялъ пакет-бошъ. Онъ стоялъ въ одномъ со мною шракширѣ, и не много мнѣ былъ знакомъ. Я пошелъ къ нему просить, чтобъ онъ здѣлалъ милость, принялъ меня въ свою свиту. Онъ согласился безъ дальнихъ опговорокъ, съ шѣмъ однакожь, что повезетъ меня не далѣе Кале, потому что оттуда ему надобно ѣхать въ Брюксель. — По прїѣздѣ въ эшопъ городъ, сказалъ онъ мнѣ: вы можете безъ всякой опасности проѣхать въ Парижъ; а тамъ найдете какихъ нибудь прїятелей, которые за васъ поручатся. — Тамъ по Ваше Сїятельство! отвѣчалъ я: конечно избавлю себя!

отъ хлопотъ. — Я съ нимъ поѣхалъ, и забылъ думать о паспортѣ.

Но когда Лафлеръ сказалъ мнѣ о посѣщеніи полицейскаго офицера, то не мудроно мнѣ было отгадать за чемъ онъ приходилъ. Въ это самое время и хозяинъ вошедъ въ мою комнату объявилъ о томъ же, прибавя: что офицеръ требовалъ непременно паспортъ. Я надѣюсь, сказалъ хозяинъ, что паспортъ вѣрно съ вами. — Со мною? опивчалъ я: по чести у меня нѣтъ никакого. —

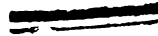
У васъ нѣтъ паспорта? вскричалъ хозяинъ, оппрыгнувъ отъ меня шага на три, какъ отъ заражен-

наго моровою язвою. На противѣ того Лафлеръ подошелъ ко мнѣ но ближе съ такимъ чувствованіемъ, съ какимъ подходитъ благородная душа къ несчастному на помощь. Доброй Лафлеръ совершенно пріобрѣлъ мое сердце. Одинъ эпокъ поступокъ доказалъ его ко мнѣ расположеніе больше, нежели въ цѣлые семь лѣтъ услуга его, моглабъ меня въ томъ увѣришь. Я увидѣлъ, что мнѣ во всемъ можно положиться на его праводушіе и привязанность.

Милордъ! . . . сказалъ хозяинъ: но опомнившись перемѣнилъ тонъ. . . Если у васъ нѣтъ сударь паспорша, продолжалъ онъ, що

безъ сомнѣнiя есть въ Парижѣ друзья, которые могутъ вамъ его исходапайсшвовашъ. — У меня нѣтъ ни одного друга въ Парижѣ, опвѣчалъ я равнодушно. — Ну такъ васъ посадятъ въ Басшилiю, или по крайней мѣрѣ въ Шашлешъ. — О! я этого не боюсь: Король Французской Государь милосливой. — Ваша правда, но совсемъ шѣмъ, эшо ни мало не ошановипш опослашъ васъ завшрѣ же по упру въ Басшилiю. — Какъ завшрѣ? перервалъ я: не на цѣлой ли мѣсяцъ нанялъ я у себя кваршеру? и хотябъ самъ Король мнѣ приказалъ, я не выѣду изъ ней прежде срока. . .

Что вы это говорите сударь? шепнулъ мнѣ на ухо Лафлеръ: какъ можно не послушаться Короля?

Право надобно признаться, сказалъ хозяинъ: что господа Англичане удивительные люди! и проворчавъ что то еще, ушелъ.

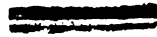
ГЛАВА III.

Скворецъ.

Я нарочно говорилъ съ хозяиномъ шакъ смѣло; иначе я бы могъ огорчить Лафлера. Во время ужина я пришворился бышь опмѣнно

веселымъ , и занимался совсемъ о
постороннихъ маперіяхъ. Парижъ
и комическая опера , были для
меня безконечнымъ разговоромъ.
Я не зналъ что Лафлеръ былъ
въ театрѣ , и провожалъ меня
до книжной лавки. Онъ неспускалъ
съ меня глазъ и тогда , какъ я
идучи съ молодою дѣвушкою по
набережной разговаривалъ съ нею.
Это - то и попрепятствовало
ему итти далѣе со мною. Лаф-
леръ ворошился домой по самой
ближней дорогѣ , и поэтому успѣлъ
до моего прихода узнать о поли-
цейскихъ требованіяхъ.

Лишь только онъ прибралъ
со стола , какъ послалъ я его

ужинашь ; а оставшись одинъ спалъ думать гораздо основательнѣе о моемъ положеніи.

Вотъ здѣсь то, мой милой другъ ! надобно тебѣ описать разговоръ, которой я съ тобою имѣлъ, почти съ самаго моего отъѣзда.

Ты знаешь что я сколькоже запасся деньгами, сколько и разсужденіемъ. Помнишь, ты спросилъ : сколько ихъ у меня ? — Я показалъ тебѣ кошелекъ мой. ... Ахъ, любезной Йорикъ ! какъ можно съ такою бѣздѣлицею нускаться въ столь дальній путь ? ... Бога ради возьми у меня въ за-

насѣ нѣсколько гиней. — У меня своихъ много. — Божусь тебѣ, что мало. Я лучше тебя знаю по мѣсту, куда ты ѣдешь. — Можешь спашься мало для друга, но для меня право довольно. Я и прехъ дней не проживу въ Парижѣ, чтобъ чего нибудь не наприказишь, за что посадятъ меня въ Баспилю, гдѣ мѣсяць или два пробуду на всемъ казенномъ содержаніи. — О! виноватъ; я и забылъ объ этомъ прибѣжищѣ; сказалъ онѣ мнѣ весьма сухо.

Вошѣ мой другъ! шушки мои чуть ли не збываючися на самомъ дѣлѣ!

Отъ дурачества ли или неуваженія, отъ Философіи ли или упрямства, а можетъ — и покакой другой причинѣ, которой я самъ не понимаю, я не думалъ о Баспиліи иначе, какъ думалъ оней при своемъ отъѣздѣ.

Баспилія! . . . одно имя ее страшнo! пускай говорятъ о ней что хотятъ. . . Но Баспилія ничто ничто иное какъ башня; а башня есть домъ, изъ котораго только нельзя выйти. Не есть ли это еще милость Божія, для спраждущихъ подагрою? Что за бѣда и здоровому? . . . Съ девятью франками на день, съ перомъ, чернилами, бумагою и — шерсть —

нїемъ , можно мѣсяцъ или полтора просидѣть безвыходно дома. Чего бояться , когда не здѣлалъ ни какого преступленія ? Гораздо оспорожнѣе и умнѣе послѣ будешьъ. Желательно чѣмъ всѣ нескромныя подались туда по чаще. Это наказаніе послужило бы имъ исправленіемъ и собственною ихъ выгодною.

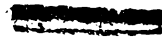
Наполнивъ голову мою такими разсужденіями , и восхищаясь ими вышелъ я на дворъ освѣжисься воздухомъ. Ненавистны мнѣ мрачныя картины ! сказалъ я самъ себѣ ; не хочу знать той меланхолической науки , которая учитъ изображать бѣдствія жиз-

ни черными красками! Воображеніе представляя предмѣны разуму, гораздо обширнѣйшими, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ, наводилъ ему ужасъ. Опшними все излишнее, и нѣчего будешъ бояться. Однакожъ, продолжалъ я: Басшилія не такъ по пріятна... Но ошломой у ней башни, заровный рвы, ошвори двери, вообрази ее себя убѣжищемъ неволи, гдѣ держишь себя одно только разслабленіе шѣла, тогда — зло исчезнешъ въ глазахъ швоихъ, и ты будешъ его сносить безъ всякаго ропшанія... Размышленіе мое съ самимъ собою, спановилось часѣ ошъ часу важнѣе, но было

прервано голосомъ , которой жаловался что *не можетъ* быть свободенъ. Я смотрѣлъ на всѣ стороны, и ничего не примѣшилъ. Не дѣлая болѣе на это вниманія , вышелъ на дворъ.

Но едва возвратился назадъ , какъ пошъ же голосъ повторилъ шѣже самыя слова два раза. Я взглянулъ къверху , и увидѣлъ скворца въ маленькой клѣшкѣ. . . . Я не могу быть свободенъ , кричалъ онъ : я не могу быть свободенъ.

Остановясь , посмотрѣлъ я на эту птицу со вниманіемъ. Множество людей проходило въ дверь , и скворецъ порхая въ ихъ споро-

ну, такимъ же тономъ жаловался: *я не могу быть свободенъ.* — О! я помогу тебѣ, вскричалъ я: помогу быть тебѣ на свободѣ, чегобъ мнѣ эшо ни стоило. Кляпка висѣла дверцами къ стѣнѣ, копорыя такъ крѣпко зашпаны были проволокою, что не лзя было отворить иначе, какъ разломать ее... Я засунулъ въ кляпку обѣ руки.

Скворецъ перепрыгивалъ изъ стороны въ сторону; продѣвалъ голову сквозь прушки, билъ въ нихъ грудью... Боюсь, бѣдный мой плѣнникъ, сказалъ я ему: боюсь очень, удастся ли мнѣ освободить тебя... — *Нѣтъ!* за-

кричалъ скворецъ : я не могу быть свободенъ : я не могу быть свободенъ.

Никогда сердце мое не было такъ распрогано. . . Во всю жизнь не встрѣчалось со мною такого случая, которой бы произвелъ столь скорое и необычайное движеніе въ душѣ моей. Хотя слова: не могу быть свободенъ, говорилъ скворецъ махинально, но такъ много они сближались къ самой природѣ, что въ одно мгновеніе все мое систематическое сужденіе о башни, опрокинулось въ верхъ дномъ. Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ и — съ другою

уже мыслями, взошелъ я на лѣс-
ницу.

ГЛАВА IV.

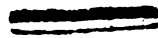
Невольникъ.

Я былъ уже въ моей комнатѣ, но скворецъ не выходилъ у меня изъ головы. Облокопясь на столъ, предался я различнымъ сужденїямъ; и будучи разположенъ къ размышленїю — далъ свободу моему воображенїю.

Оно представило мнѣ невольника, заключеннаго въ шемницѣ. Я смотрѣлъ на него сквозь решещ-

чашую дверь, смолрѣлъ — и поль-
зуясь мракомъ свѣта, кошорый
едва едва освѣщаль его преиспод-
нюю, старался я списать порп-
ретъ съ узника.

Долговременное ожиданіе сво-
боды, ишощило всѣ его силы. Я
почувсшвовалъ въ моемъ сердцѣ
весьма сильную боль, кошорая
раждаенся опѣ сомнишельной на-
дежды... Вспаприваясь въ неволь-
ника, миѣ казалось, что лице
его было обезображено, блѣдно,
изнурено болѣзнію... Уже прид-
цать лѣшѣ, какъ его кровь не
освѣжалась восшочнымъ вѣтромъ;
уже придцать лѣшѣ. не видалъ
онѣ ни солнца, ни луны; уже

придцать лѣтъ, не слыжалъ онъ сквозь решетку, нѣжнаго голоса своихъ друзей, своихъ родственниковъ... А дѣши его!!!

Тутъ сердце мое замерло... Я опворопилъ отъ несчастнаго... Но воображеніе не переставало меня мучить... Оно показывало невольника: сидящаго на связкѣ соломы: въ самомъ заднѣмъ углу шемницы. Солома служила ему и носпелею и шуломъ... Несчастный держалъ въ одной рукѣ календарь своего изобрѣшенія, здѣланной изъ палочекъ, на кошорыхъ разными знаками, замѣчалъ онъ гореспные дни, проведенные имъ въ ужасномъ заключеніи. . . .

Въ другой рукѣ—былъ у него ржавой гвоздь, которымъ въ календарѣ своемъ, прибавлялъ и эшотъ день, къ числу прошедшихъ. . . . Я заслонялъ у него послѣдній остатокъ свѣща. . . Онъ взглянулъ томно на дверь. . . покачалъ головою и — опять принялся за пагубную свою работу; хотѣлъ положить палочку на кучу другихъ, нагнулся — и щѣли загремѣли въ ушахъ моихъ. . . Глубокой вздохъ вырвался изъ груди его. . . Боже мой! вскричалъ я заливаясь слезами. . . Я не могу даже и вообразить этой страшной картины. . . Вскочилъ безъ памяти. . . . Кликнулъ Лафлера, и приказалъ

ему непременно завтра въ девять часовъ утра нанять карету. Я поѣду прямо, думалъ я: къ Герцогу де Ш*.

Лафлеръ конечно бы совсемъ усердіемъ меня раздѣлъ и положилъ въ пошель. . . Но я зная его чувствительность, не хотѣлъ дать ему замѣнить моего безпокойства, и сказалъ, что я самъ раздѣнусь и лягу.

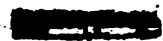
ГЛАВА V.

Анекдоты.

Въ назначенный часъ я сѣлъ въ карету. Лафлеръ спалъ назади, а я закричалъ кучеру, чтобъ какъ

можно скорѣе скакалъ въ Верса-
лію.

На дорогѣ ничего со мною
не встрѣшилось такого, чего ищу
я обыкновенно въ путешествіяхъ.
Однакожъ, я бы могъ здѣлать
такоеже описаніе, какъ и другіе,
о Шальионѣ, о Пасси, о Боно-
махъ, о Севахъ, о Вирофлаѣ, и
о многихъ мѣстахъ, которыя
встрѣчались мнѣ на моемъ пу-
ти. . . Но мнѣ лучше хотѣлось
наполнить пустое мѣсто, сокра-
щенною повѣстью о скворцѣ. Та-
ковыхъ историческихъ сокращеній
будешь много. . . Я ихъ очень
люблю.

Милордъ Л... ожидалъ по-
иушнаго вѣтра, чтобъ переѣхашъ
изъ Дувра въ Кале... Слуга его,
бродя по горамъ, поймалъ сквор-
ца, которой только что оперился.
Онъ взялъ его къ себѣ, кормилъ,
воспиталъ его, и привезъ въ Па-
рижъ.

По пріѣздѣ своемъ шуда,
купилъ онъ клѣшку, копорая
споила ему двадцать чешыре
сольда. Господинъ его прожилъ въ
Парижѣ пять мѣсяцовъ, а какъ
за нимъ не очень много было дѣ-
ла, то онъ въ это время и на-
училъ скворца выговаривашъ чешы-
ре слова, за копорыя я сполько
обязанъ.

Когда Милордъ поѣхалъ въ Ишалію, то слуга ошдалъ скворца и съ клѣшкою хозяину. Не всякой могъ понимать что говорилъ скворецъ, потому что онъ говорилъ на иностранномъ языкѣ, и потому что никто не хотѣлъ его слушать. Лафлеръ посулилъ за него хозяину бутылку вина, и хозяинъ съ охотою уступилъ ему скворца и съ клѣшкою.

Я привезъ скворца съ собою на его родину. . . Однажды Лордъ А. . . услышавъ отъ меня о его исторіи, захотѣлъ имѣть у себя, и я подарилъ ему скворца. Спустя нѣсколько недѣль, онъ ошдалъ его Лорду Б. . . ; Лордъ

Б. . . подарилъ его Лорду В. . . .
Слуга Лорда В. . . продалъ его за
шпильнѣ Лорду Г. . . а опѣ Лорда
Г. . . доснался опѣ Лорду Е. . .
и шакъ мой скворецъ ходилъ по
Лордамъ до половины азбуки.
Изъ чертоговъ вельможъ пере-
лесталъ онѣ въ обихалища просто-
людимовъ , гдѣ шакже не имѣлъ
онѣ хорошаго пристанища. Онѣ
былъ презираемъ въ Лондонѣ ,
равно какъ и въ Парижѣ , и бо-
лѣе опѣ того , что одни стара-
лись *вырваться* , а другой старал-
ся *вырваться* . — Вотъ дочего ино-
гда доводитъ безуміе , не шакъ
думать какъ другіе. . .

Можетъ бытъ , кто нибудь
изъ чищашелей и слыхалъ о моемъ

скворцуѣ. . . И если нечаяннымъ образомъ онъ его увидитъ , то я прошу вспомнитъ , что эта птичка принадлежала мнѣ. . . Теперь ее у меня нѣтъ — но она вырѣзана на гербѣ моемъ. Пусть господа герольды свернутъ моему скворцу голову, ежели осмѣаятся.

ГЛАВА VI.

Прощеніе.

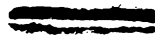
Когда я ишу чьегонибудь покровительства, то мнѣ очень не нравишься, чтобъ путь же былъ и непріятель мой, который бы замѣчалъ мои поспушки. А это

то самое и заставляешь меня искашь всегда покровителя — въ самомъ себѣ. Необходимость однакожь принудила меня предсташь къ Герцогу Ш. . . Еслибы только можно было безъ этого обойтись, то конечно здѣлалъ бы я такъ, какъ здѣлалъ бы — и всякой другой бывши на моемъ мѣстѣ.

Какъ много способъ просить? Сколько надобно дѣлать подлостей, поклоновъ, уничиженій? Во всю дорогу я объ этомъ думалъ; и за всякую выдумку заслуживалъ бышь посаженъ въ баспилью.

Подѣзжая къ Версаліи, я придумывалъ, какъ начашь мнѣ

просить... Спану кланяюсь; при-
му покорный видъ; понижу го-
лосъ, и буду всячески подлажи-
вашь Герцогу, чтобъ преклонить
его на свою сторону. — Хорошо!
хорошо! разсуждалъ я: на силу
выдумалъ; это будешь славно...
Но размыслилъ, и мое *славно*, не-
такъ то вышло славно! это бу-
детъ все тоже какъ бы сшишь
Герцогу безъ мѣрки кафтанъ. —
Глупенькой! продолжалъ я опом-
няясь: за чѣмъ тебѣ за ранѣ ло-
машь голову? Не у себя ты дол-
женъ учиться чѣмъ начашь...
Ты прежде взгляни на Герцога;
всмотришь въ него... Прочти на
лицѣ его расположеніе, и пер-
вое его слово, которое онъ те-

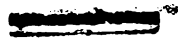
бѣ скажешь, научишь тебя всему. По этому ты и располагай разговоромъ, который конечно ему будешь не прошивенъ, шѣмъ болѣе, что онъ самъ подаситъ тебѣ ключъ на какомъ шонѣ съ нимъ говорить надобно.

А хотя бы и не такъ по случилось... Развѣ Герцогъ не такой же человекъ? Ежели мы на полѣ сраженія, идемъ смѣло другъ прошивъ друга, то можноть робѣшь въ кабинетѣ министра, будучи съ нимъ на единѣ? — Повѣрь мнѣ Йорикъ, когда человекъ не имѣетъ благородной смѣлоспи: то онъ погибаетъ самъ отъ себя, бываешъ униженъ, и

заграждаетъ себѣ собственнѣйшей своей
пушью къ благополучію. . . Пока-
жись только къ Герцогу съ ви-
домъ, что боишься бастиліи —
будь увѣренъ, что въ тотъ же
часъ, отправляешь тебя въ Парижъ
съ надежными проводниками.

Чуть ли это не правда?
сказалъ я самъ себѣ: ну такъ я
появлюсь къ Герцогу съ смѣлостію
и всевозможнымъ равнодушіемъ.

Ты опять говоришь вздоръ
Йорикъ! благоразуміе не терпитъ
ни какой чрезвычайности. . . Оно
всегда должно обладать своими
справами. Прекрасно! вскричалъ
я: ужь теперь то не собою съ
прямой шпилью.

Карета моя взбѣхала на дворъ, и когда остановилась у крыльца, то ясно видѣлъ я, что дорожной мой урокъ, съ великимъ успѣхомъ дѣйствовалъ на мою душу. Я былъ такъ покоенъ какъ нельзя больше, и всходилъ по лѣсницѣ ни съ тѣмъ робкимъ духомъ, которымъ бывають объяты жершвы правосудія; ни съ тѣмъ радостнымъ и сердечнымъ восхищеніемъ, которой оживоворялъ меня всегда, когда я лепѣлъ видѣшь себя моя милая Лизета!

Лишь только я вошелъ въ залъ, какъ въ тужь минушу, подошелъ ко мнѣ какой то человекъ съ важностію. . . Я не знаю право,

дворецкой ли это былъ , или ла-
кей ; а можетъ и какой нибудь
подсекретарь Его Свѣшлоспи. Онъ
сказалъ мнѣ , что Герцогъ зани-
мается дѣлами. — Какимъ же обра-
зомъ , сударь , можно мнѣ видѣшь
Его Свѣшлоспъ ? Я иностранецъ ;
а что всего хуже по нынѣшнимъ
обстоятельствамъ : я Англича-
нинъ. — Онъ мнѣ отвѣчалъ : что
это не здѣлаешь излишняго въ
прозьбѣ моей запрудненія. — Я
отвѣсилъ ему небольшой поклонъ.
Милоспивый государь ! я о важ-
номъ дѣлѣ намѣренъ говорить съ
Герцогомъ. — Онъ посмапривалъ на
всѣ спороны, какъ бы спараясь най-
ти , кшо бы могъ доложитъ

бо мнѣ министру. — Я не намѣренъ скрывать отъ васъ, говорилъ я ему: нужда, о которой мнѣ надобно объясниться съ Герцогомъ, совсемъ не принадлежитъ до Его Свѣтлости, а касается до одного только меня. — О! такъ это другое дѣло! — Нѣтъ, сударь! не другое; я увѣренъ что Герцогъ выслушаетъ меня благосклонно... Между тѣмъ просилъ я его сказать мнѣ, когда могу видѣть Его Свѣтлость? — Черезъ два часа; отвѣчалъ онъ. — Множество каретъ стоявшія на дворѣ, подтверждали эту истину. — Чтожъ дѣлать мнѣ въ эти два часа? Расхаживать изъ

угла въ уголъ по залъ, не казалось мнѣ пріятнымъ препровожденіемъ времени. . . Я сошелъ въ низъ, и велѣлъ ѣхать въ *карранд-блио*, ближайшій *трактиръ*.

Но судьба всегда дѣлаетъ по своему — и рѣдко случается, чтобы я попалъ въ то мѣсто, куда задумалъ.

Г Л А В А VII.

Сахарные лирожки.

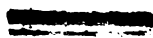
Я не проѣхалъ еще половину дороги, какъ со всемъ новымъ вошло мнѣ въ голову: Желая посмо-

прѣшь городъ , приказалъ я кучеру вести меня по всѣмъ улицамъ. — Городъ не великъ сказалъ я ему: мнѣ кажется , что его очень скоро можно объѣхать. — Не великъ сударь ? Извинише , онъ гораздо больше , нежели вы воображаете , и опмѣнно хорошо выспроенъ. Большая часть Вельможъ имѣютъ здѣсь свои дома. — При семъ словѣ вспомнилъ я о Графѣ Б. . . о которомъ книгопродавецъ наговорилъ мнѣ много добраго. . . Для чего же не поѣхашъ мнѣ къ такому человеку , которой имѣетъ толь великое уваженіе къ Англійскимъ книгамъ и къ самимъ Англичанамъ ? Расскажу ему о се-

бѣ, и можешъ бышь. . . Я въ другой разъ перемѣнилъ свое намѣреніе; а если счестъ порядочно, то уже въ третій. Мнѣ захотѣлось побывашъ у госпожи Р. . . на Петропавловской улицѣ, и болѣе за тѣмъ, что я уже и увѣдомилъ ее о томъ, черезъ горничную дѣвушку. Не я располагаю обстоятельствомъ; обстоятельства располагаютъ мною. Увидѣвъ на другой сторонѣ человека, которой несъ корзину, и какъ будто продавалъ что-то, послалъ я Лафлера, спросить у него, гдѣ живешъ Графъ Б. . .

Лафлеръ прибѣжалъ ко мнѣ отъ него съ превеликимъ удивле-

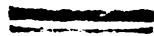

ніемъ. — Знаешели сударь, кто продаетъ эти сахарные пирожки? Кавалеръ Св: Людовика. — Какой вздоръ бредишь ты Лафлеръ! — Я не знаю сударь, вздоръ ли это или нѣтъ, но увѣренъ только въ томъ, что я своими глазами видѣлъ у него въ пеплицѣ на ленточкѣ крестъ, также хорошо, какъ и сахарные пирожки, которыхъ еще довольно много у него въ корзинѣ.

Такая превратность человѣческой жизни, возбуждавшъ въ чувствительной душѣ, не одно только простое любопытство, но влечетъ какое-то къ себѣ особен-

ное чувствованіе... Я смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ изъ кареты; и чѣмъ болѣе въ него всматривался, тѣмъ непонятнѣе представлялся онъ мнѣ съ своимъ крестомъ и корзиною. Разумъ мой былъ въ недоумѣніи и сердце билось очень сильно... Я вышелъ изъ кареты — и подошелъ къ нему.

На кавалерѣ былъ бѣлый длинный фаршукъ. Крестъ Св. Людовика висѣлъ по камзолу. Корзина съ сахарными пирожками покрыта была до половины салфеткою. Въ низу подслана другая; и все шакъ чисто, шакъ опрятно, что не возможно было.

чтобъ чего нибудь у него не купишь.

Онъ не подходилъ ни къ кому съ своею корзиною ; а остановясь на углу шракшира дожидался когда кто къ нему подойдетъ.

Кавалеру было около пятидесяти лѣтъ. Онъ имѣлъ видъ скромной, но величавой. Я не удивлялся этому ; и приподнявъ салфешку, взялъ одинъ пирожокъ, прося его убѣдительно исполковать мнѣ эту загадку.

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ все. — Молодая свои лѣта, провелъ я въ службѣ,

говори́лъ онъ : возвра́тись изъ похода получи́лъ эшо́въ крестъ : а по оконча́нїи прошедшей войны , будучи опсшавленъ отъ службы , не могъ уже доби́ться мѣста въ нынѣшнюю компанію ; и такъ остался я безъ друзей , безъ денегъ — съ однимъ Крестомъ. — Онъ привелъ меня въ жалосшь ; но послѣдними словами — пріобрѣлъ мое почтеніе.

Король нашъ, Государь сполько же доброй, какъ и правосудной, продолжалъ онъ : но въ силахъ ли наградишь весь свѣтъ , и облегчишь участь всѣхъ несчастныхъ ? Я былъ въ числѣ ихъ. . . У меня

есть жена, я ее люблю споль-
коже, какъ и любимъ ею.
Она умѣетъ дѣлать конфекшы,
мы захошѣли употребить въ
пользу не большое это искусство;
и мнѣ кажется, что лучше про-
давать сахарные пирожки, неже-
ли поджавъ руки сидѣть голод-
дными.

Порадуйтесь чувствительныя
души! порадуйтесь судьбѣ бѣд-
наго кавалера. Мѣсяцевъ девять
тому назадъ, добродѣтель его
увѣнчалась наградою.

Кавалеръ обыкновенно стоялъ
у дворцовой решетки, и былъ
замѣченъ многими проѣзжающими,
которыя имѣли такое же любопыт-

ство какъ и я, и копорымъ разсказы-
валъ онъ свою исторію съ тою же
скромноспію, съ какою объяснялъ
и мнѣ. Наконецъ это дошло до
Короля. Онъ вспомнилъ о немъ,
и зная что кавалеръ былъ весь-
ма хорошій Офицеръ и любимъ
всемъ полкомъ, пожаловалъ ему
1500 ливровъ, ежегодной пенсіи.

Пріятное благодѣяніе! не
уже ли есть такіе люди, копо-
рые не чувствуютъ цѣны сво-
ей? Я никогда не могъ разска-
зывать о исторіи кавалера безъ
сердечныхъ движеніи. —

Блаженъ народъ, гдѣ Госу-
дарь добродѣшленъ!

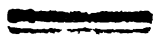
Г Л А В А VIII.

Ш л а г а.

Подобная исторія — случившаяся во время пребыванія моего вЪ Реннѣ — не менѣе меня проиула.]

Мнѣ не извѣсны причины крайняго разоренія фамилій д' Е... вЪ Брешаніи ; но знаю то , что Маркизъ д' Е... весьма долго боролся съ несчастіемъ. При всей своей крайности , онъ не переспавалъ блиспашь остатками своихъ предковъ. Наконѣцъ дошелъ онъ до такого бѣдственнаго состоянія , что едвали доставало ему на умѣренную пищу.

Къ помужь и два сына — копорымъ должно было дать воспитаніе отличное, по роду и богатству — разсправляли душу отца, и шѣмъ болѣе, что дѣти его обѣщали великую надежду. Военная служба казалась ему вѣрнѣйшимъ способомъ къ поправленію состоянія его; но и это предпріятіе ошложилъ онъ по тому, что не лзя было служить безъ особенныхъ издержекъ сверхъ жалованья. У него оставалось весьма небольшое имѣніе, съ копорымъ надобно было вести жизнь самую бѣдную. Еще одно средство — торговлю слѣдовало ему испытать.

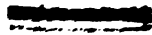

Но промыслъ эшотъ не казался ли гробомъ для его дѣшней, кошорыхъ честполюбивый и гордый Маркизъ хотѣлъ видѣшь возвышенными? По счасшю Брешанія сохранила право свергать иго съ такоо предразсудка — и Маркизъ имъ воспользовался. ВЪ шо время, когда первѣйшіе чиновники собрались вЪ Рениѣ; Маркизъ, сопровождаемый двумя сыновьями, вошелъ вЪ залу собранія и спарался съ важносшю защищашъ древнія постановленія Герцогства, кошорымъ хотя и рѣдко пользовались, но совсемъ шѣмъ, не могло оно пошеряшь своей силы. — Сказавъ эшо, Маркизъ снялъ свою

шпату. Возьмите ее, продолжалъ онъ; и будьте ее хранителями до того времени, пока лучшая судьба, дозвавши мнѣ возможность взять ее обратно, и быть ей достойнымъ.

Президентъ принялъ шпату, приказалъ положить ее шудаже, гдѣ хранилась родословная Маркиза, которой видя все дѣло окончаннымъ — вышелъ вонъ.

На другой день отправился онъ со всемъ своимъ семействомъ въ Марпинику. Двадцатилѣтнее неупомимое прилѣжаніе къ торговлѣ, и нѣкоторыя непредвидимыя наслѣдства отъ дальнихъ

родственниковъ , доставили ему способъ возстановить свое дворянство — и взять свою шлягу.

Въ этотъ по торжественный день я имѣлъ счастье быть въ Реннѣ. Я назвалъ его торжественнымъ ; и какъ иначе назовешь его всякой чувствительной путешественникъ ? Жалки для меня тѣ, копорымъ таковыя случаи кажутся незначущими !

Маркизъ поддерживая почтенную свою супругу , вошелъ въ собраніе. Старшій его сынъ велъ свою сестру ; младшій шелъ возлѣ матери. Доброй отецъ нѣсколько разъ оциралъ платкомъ слезы.

По всюду царствовало глубокое молчаніе. . . Маркизъ оставилъ жену съ младшимъ сыномъ и дочерью : а самъ подошедъ къ Президенту — требовалъ отъ него своей шпаги. Лишь только онъ получилъ ; какъ съ превеликимъ восхищеніемъ обнажилъ ее. Онъ смотрѣлъ на шпагу, какъ на вѣрнѣйшаго друга, съ которымъ былъ въ разлукѣ нѣсколько лѣтъ. Спарикъ разсматривалъ ее совниманіемъ, какъ будто для того, чшобъ лучше удостовѣриться, дѣйствительно ли эта шпага была его. . . Примѣшя небольшую на концѣ клинка ржавчину, онъ поднесъ ее ближе къ глазамъ, и я

видѣлъ, что слеза капнула на ржавчину.

Я найду, сказалъ онъ: какое нибудь средство ея счистишь. Онъ вложилъ ее въ ножны, и поблагодаря за сохраненіе, вышелъ изъ залы съ женою и дѣтьми.

Я позавидовалъ его чувствованіямъ.

ГЛАВА ІХ.

Способъ называться.

Безъ всякаго пренятствія я вошелъ къ Графу Б... Онъ перебиралъ Шекспировы сочиненія. Я

взглянулъ на нихъ и далъ ему замѣтить, что они мнѣ знакомы. — Я пришелъ къ вамъ сказалъ я ему: безъ всякаго путеводителя, зная навѣрное, что найду въ кабинетѣ вашемъ моего друга, который будетъ за меня у васъ предсвателемъ. Вотъ онъ; это великой Шекспиръ, землякъ мой... Превосходный авторъ! вскричалъ я: поддержи прозбу мою своимъ ходатайствомъ!

Графъ усмѣхнулся такому необычному входу... Судя по блѣдному моему лицу, что я былъ не здоровъ, онъ спросилъ меня сѣсть; я сѣлъ, и чтобы избавить его отъ излишнихъ за-

шрудненій опгадывашь причину моего посѣщенія, кошорое конечно несогласовалось съ обыкновенными правилами, опкровенно пересказалъ ему все то, что случилось со мною у книгопродавца, и что это самое поселило во мнѣ смѣлоспъ скорѣе прийти къ нему, нежели къ кому другому, и объявить о непріятномъ своемъ положеніи. — О не пріятномъ сударь? Пожалуйте скажите мнѣ, сказалъ Графъ съ безпокойнымъ видомъ: что съ вами такое случилось? — Я опкрылся ему во всемъ. . . Хозяинъ мой, прибавилъ я: увѣряетъ, что меня посадятъ въ Басшилію. — И вы этого бои-

тесъ? — Ни мало, Графъ! я нахожусь между людьми просвѣщеннѣйшими; да и совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ. . . . а при томъ, я не съ шѣмъ сюда прїѣхалъ, чтобъ быть шпиономъ; ни обзрѣвать украшенія или наготу Государства; слѣдственно Французы, будучи такъ учтивы и великодушны, не захопятъ мнѣ здѣлашь никакого зла.

Графъ покраснѣлъ и разсмѣялся. . . Неопасайтесь ничего! сказалъ онъ. — Боже меня сохрани! я опъ самаго Лондона смѣялся до Парижа, и не думаю чтобы Герцогу Ш. . . былъ такой врагъ смѣ-

жу, которой бы выслалъ меня
отъ сюда со слезами.

Всепокорнѣйше прошу Ваше
Сїяшельство, продолжалъ я, по-
клонясь Графу ниско: здѣлашь
милость попросить Герцога уво-
литъ меня отъ шакого принуж-
денїя.

Графъ слушалъ меня съ оп-
тѣнною благосклонностїю; иначе
я не могъ бы такъ смѣло и го-
ворить. — Хорошо, очень хорошо
сказано! повпорялъ онъ раза два.
И на эшомъ — кончилась моя прозь-
ба.

Онъ перемѣнилъ разговоръ:
мы разсуждали о многихъ неваж-
ныхъ матерїяхъ, о книгахъ, но-

воспяхъ, полишикъ, о людяхъ вообще, а попомъ — и о женщинахъ.

Да благословишъ ихъ Богъ! сказалъ я: никто больше меня ихъ не любишъ. Послѣ всѣхъ слабостей, которыя въ нихъ находилъ, и послѣ всѣхъ саширъ, которыя читалъ на ихъ щетъ — онѣ все еще милы мнѣ. Я очень увѣренъ, что человекъ не имѣющій нѣкоторой привязанности къ ихъ полу не можетъ любить спраспно и одной женщины. —

Ну, господинъ Англичанинъ, посмотримъ; сказалъ мнѣ Графъ съ улыбкою. Вы не съ шѣмъ прѣѣхали сюда, говорите вы, чтобъ

разсмапривать *наготу* нашего Государства, а и того меньше надѣюсь — нашихъ женщинъ ; но еслибы какъ нибудь попалась вамъ хорошенькая на всшрѣчу въ такомъ видѣ , то признайтесь : испугались ли бы вы ?

Во мнѣ еспь какое то-оп-вращеніе къ неблагоприсшойнымъ шуткамъ. Я часно спарался превозмочь его ; и всегда съ превеликимъ запрудненіемъ принуждалъ себя говорить многимъ женщинамъ то , чего я ни закакія деньги , не сказалъ бы одной съ глаза на глазъ.

Просшите меня Графъ ! если въ такомъ цвѣшущемъ Государ-

спвѣ , ничего болѣе не увижу , какъ одну нагую землю , тогда я вздохну — и оставлю ее съ сожалѣніемъ . Чтожъ касается до женщинъ , продолжалъ я по краснѣвѣ отъ стыда : но еслибъ случилось мнѣ съ такою встрѣпиться , я бы прикрылъ ее моимъ плащемъ , когда бы только зналъ какъ это здѣлать . . . Но признаюсь : я очень бы желалъ видѣть нагошу ихъ сердецъ , и хотѣлъ бы — не смотря на различные обычаи , климатъ , Религію и нравы , найши въ нихъ одно хорошее , и по такимъ оригиналамъ образовать мое сердце . Для того по Ваше Сіятельство , и пріѣхалъ я

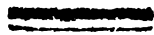
въ Парижѣ; для того-то и не ходилъ я сморѣть ни славнаго дворца, ни Люксембурга, ни Луврскаго строенія... Я не покупалъ каталога картинамъ, спашуямъ и церквамъ. Для меня во всякомъ человѣкѣ есть храмъ; и я люблю лучше разсматривать прекрасныя черты въ немъ, нежели въ славной Рафаеловой картинѣ *Пресбраженія*.

Стремленіе познать людей заманило меня во Францію, и безъ сомнѣнія заведетъ еще гораздо далѣе... Какъ пріятно путешествовать, когда сердце наше занимается природою и собственными чувствованіями, которыя

научающѣ насѣ любить другѣ дру-
та, болѣе обыкновеннаго.

Графѣ наговорилѣ мнѣ за это
шѣму учтивостей. — Но знаешели
вы, сказалѣ онѣ: какѣ я сердитѣ
на Шекспира за то, что онѣ
познакома меня съ вами, не ска-
залѣ кто вы шаковы. Мысли его
сколько развлечены, что забывѣ
объявишь о вашемѣ имени, при-
нудилѣ васѣ самихѣ къ этому
открытїю.

Для меня нѣшѣ ничего до-
саднѣе, какѣ рассказывать кто
я шаковѣ... Я легче скажу о дру-
гомѣ, нежели о самомѣ себѣ; и
если когда бываю къ тому вы-

нужденъ , шо стараюсь говорить какъ можно покороче. Не думаю , чшобы кто нибудь скорѣе меня прекращалъ такую маперію. . . . Мнѣ весьма удобно было опевѣчать Графу лаконически. Шекспирѣ лежалъ передомною. Я вспомнилъ , что мое имя естъ въ трагедіи Гамлетѣ ; и пріискавъ славное и смѣшное явленіе гробокоташелей , въ пятомъ дѣйствіи , показалъ Графу пальцемъ на имя Йорика.— Это Йорикъ ! — Точно такъ , Ваше Сіяшельство ! и эшотъ Йорикъ я ,

Нѣтъ большой надобности знать , самъ ли я , или что нибудь другое , зашмили у Графа

разумѣ; а можетѣ бытъ и по какому нибудѣ волшебству, ошибся онѣ семью или осмью вѣками... Французы лучше извѣсняютѣ, нежели соображаютѣ... Я ничему не удивляюсь на эшомѣ свѣшѣ, а всего менѣе такимѣ ошибкамѣ... Мнѣ вздумалось составить нѣсколько книгѣ извѣ своихѣ проповѣдей. Одинѣ извѣ нашихѣ Епископовѣ — котораго впрочемѣ я опмѣнно почишаю за его чисшосердечіе и набожность — сказалѣ мнѣ однажды, что у него недосшаетѣ терпѣннїя просматривать проповѣди сочиненныя шумомѣ Дацкаго Короля. — Но, милоспивый государь! ошвѣчалѣ я ему: есть два

Йорика. Йорикъ, о которомъ вы изволише говоришь уже лѣтъ съ восемьсотъ умеръ. . . Онъ славился придворъ *парвендила*. . . , а другой Йорикъ не былъ нигдѣ въ уваженіи; и эшошь по самой я.— Епископъ покачалъ головою. — Помилуйте Милордъ! прибавилъ я: вы хошите меня заспавишь думашь, чшо моглибы приняшь Александра Мѣдника — о которомъ упоминаешъ Св: Павелъ — за Александра Великаго? — Я право не знаю, ошвѣчалъ онъ: но развѣ эшо не все тоже? . . .

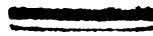
Еслибъ Царь Македонскій, возразилъ я: далъ вамъ Милордъ

лучшее Епископство, по конечно вы умѣли бы его оплычить опъ ремесленника, которой только можетъ дѣлать для вашей кухни посуду.

Графъ Б. . . точно въ такомъ же былъ заблужденіи.

И вы Йорикъ? вскричалъ онъ. — Такъ Ваше Сіяшельство! — вы сударь? Вы Йорикъ? — Точно я, Графъ! — Боже мой! говорилъ онъ обнимая меня: это Йорикъ!

Онъ съ поропливостію положилъ одну часпъ Шекспира въ карманъ, и оставилъ меня одного въ своемъ кабинетѣ.

ГЛАВА X.

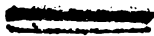
Времяпровожденіе.

Я не могъ понять за чѣмъ Графъ ушелъ съ такою поспѣшностію, и для чего онъ положилъ въ карманъ книгу. . . . Всякая шайна открывається сама собою, слѣдовательно и не стоить того, чтобы ломать за нею голову и шерять время. . . . Лучше читать Шекспира. . . . Я взялъ одну часть, развернулъ, и мнѣ попалоса не большое сочиненіе *Much ado about Nothing*.

Оно скоро увлекло меня съ моихъ креселъ въ Мессину. Я сполько занялся Донъ Педромъ,

Бенедиктомъ и Беаприксою, что совсѣмъ забылъ о Версалѣи, о Графѣ, и даже — о паспортѣ.

Пріятныя мечты воображенія! съ какимъ удовольствіемъ ввѣряешься умъ нашъ призракамъ, которые улаживаютъ горестныя минуны ожиданія и скуки!... Давно, давно бы кажется пре-крашилось мое существованіе — еслибъ не бродилъ и я также, по очарованнымъ лугамъ вашимъ... Какъ скоро забреду на какую нибудь каменисную дорогу, или взойду на крушую гору, то мнѣ спановишся очень тяжело, и я поворочя въ другую сторону, иду

шропинки мягкой и гладкой, которую воображеніе усыпало по всюду розами. Я по ней прогуливаюсь, и возвращаюсь опшуда гораздо бодрѣе. . . Когда бываетъ мнѣ очень грустно, и когда эшопъ свѣтъ не обѣщаетъ мнѣ ни какой надежды къ спокойствію — я оставляю его, и бѣгу въ сторону. . . Имѣя лучшее понятіе о Елисейскихъ поляхъ, нежели о Небѣ — я также какъ и Эней, продираюсь шуда насильно. . . Тамъ вижу его; вижу идущую къ нему на встрѣчу печальную шѣнь оставленной, имъ Дидоны. Эней спарается, ее узнашь, а Дидона усмотря его, опворачи-

ваешся вѣ молчаніи опѣ виновника
 ея бѣдствія и посяраженія.
 Чувствованія мои теряются вѣ
 чувствованіяхъ несчастной Дидо-
 ны, и сливаются съ ея сострада-
 ніями, которыя и вѣ юности мо-
 ей извлекали у меня слезы.

Время проходитъ не напрасно,
 когда проводимъ его вѣ по-
 добныхъ упражненіяхъ. . . Состра-
 дая о несчастіяхъ ближняго, мы
 уменьшаемъ шѣмъ собственныя
 наши горести, и разумъ нашъ
 тогда имѣетъ средство, подашь
 намъ нужное утѣшеніе. . . Я самъ
 по себѣ знаю, что никогда не
 могу прогнашь печали безъ того,

чтобъ не примѣнить ее къ злополучіямъ другаго.

Я уже дочитывалъ прешье дѣйствіе, какъ Графъ Б. . . вошелъ въ комнату, держа въ рукѣ бумагу. — Вотъ онъ! говорилъ мнѣ Графъ: вотъ вашъ паспортъ. Герцогъ Ш. . . тотчасъ приказалъ его написать. Человѣкъ, которой смѣялся, сказалъ онъ: не можетъ быть опасенъ. Я бы не могъ выхлопотать паспорта и въ два часа, ежелибы это было не для Королевскаго шуша! — Извинише меня Ваше Сіятельство! я не Королевской шушъ. — Да вишь вы Йорикъ? — Йорикъ. — Вишь вы смѣшесь и шушите? — Все правда

Ваше Сіяшельство! я шучу и смѣ-
юсь, но безъ всякой за шо пла-
шны, а забавляюсь на одинъ свой
щепъ. . . . При нашемъ дворѣ
Графъ! очень давно перевелись
шупы. Послѣдній изъ нихъ былъ
въ царствованіе Карла II. Мы съ
того времени довольно просвѣпи-
лись; наши вельможи здѣлались
такъ безкорысны, такъ ревни-
тельны къ славѣ и благоденствію
своего Опечесства; наши женщи-
ны такъ скромны и оспорожны,
такъ цѣломудренны и набожны...
Повѣрьте Ваше Сіяшельство! что
никакой шупъ, не достанетъ у
насъ хлѣба съ своими шупками...—

О! это изрядная насмѣшка!
вскричалъ Графъ.

ГЛАВА ХІ.

Отступленіе.

Паспортъ надписанъ былъ ко
всѣмъ Губернаторамъ, Комендан-
тамъ и другимъ начальникамъ.
Господинъ Йорикъ, Королевской
шунтъ, могъ спокойно путешество-
вать вездѣ съ своимъ экипажемъ,
кошораго повелѣно пропускашь безъ
малѣйшаго задержанія. Признашь-
ся надобно, что исходатайство-
ваніе паспорта на такомъ основа-

нїи , не много дѣлало мнѣ чести. Но какое въ семь свѣтѣ благо бываетъ безъ помѣхъ ? Я знаю очень хорошихъ Богослововъ, которые доказываютъ, что даже и наслажденіе сопровождается вздохами , и что самое наивеличайшее удовольствіе — какого они больше уже и не знаютъ — оканчивается обыкновенно нѣкоторымъ судорожнымъ сопряженіемъ.

Мнѣ пришло на мысль одно изрѣченіе ученаго Беворискія, помещенное въ его толкованіяхъ на родословіе Адама: Онъ уже оканчивалъ свои примѣчанія, какъ вдругъ два воробья, прилѣтевъ

къ нему на окно, прервали нишь его размышленій, и принудили опшсупишь опть связи повѣспво-ванія.

„Какая странность! вскри-
„чалъ Беворискій: но странность
„справедливая. Воробьи безпокои-
„ли меня своими ласками... Я
„полюбопышсшвовалъ замѣчатъ пе-
„ромъ моимъ число ихъ... и
„прежде нежели кончилъ мое
„одно шолкованіе—воробей успѣлъ
„ихъ повшорить двадцать три
„раза съ половиною...

„Колико щедры небеса ко
„шварямъ своимъ! „ прибавляетъ
Беворискій.

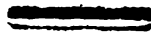
О жалкой Йорикъ! вотъ что пишушъ самые степенные твои собраты; а ты и списашъ стыдишся!

Но эпошъ анекдотъ не принадлежишъ до меня, и не имѣешъ никакой связи съ моимъ путешествіемъ. Въ другой разъ я прошу простишъ меня за мое опшупленіе.

Г Л А В А XII.

Х а р а к т е р ъ.

Скажете же мнѣ сударь! спросилъ меня Графъ, отдавая пас-

портъ : каковы кажутся вамъ Французы ?

Можно отгадать, что послѣ такого одолженія, я отвѣчалъ на вопросъ его, самымъ учтивымъ образомъ. —

Оставъше церемоніи, сказалъ Графъ : а признайшесь откровенно, находили вы у Французовъ ту вѣжливосшь, кою они вездѣ славятся ? —

Все что я здѣсь ни видалъ, утверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи. — О ! конечно, прервалъ Графъ : Французы отменно вѣжливы. —

До чрезвычайности ! — до чрезвычайности ? Это слово не

много кольнуло Графа. — Вы конечно не то думали, что сказали? — Нѣтъ, Ваше Сіятельство! точно то.

Графъ поддерживалъ свою догадку. — Вы не хошите всего сказать... Говорите все чистосердечно, безъ всякаго исключенія. —

Мнѣ кажется Ваше Сіятельство, что бываютъ такіе вопросы, которые очень похожи на музыку. Чтобы умѣть порядочно на нихъ отвѣчать, не премѣнно нужно имѣть ключъ, какъ бываетъ и въ музыкѣ; и одна нота, взятая выше или ниже, разстроиваетъ всю гармонію. —

Я васъ не понимаю , сказалъ Графъ : потому что не знаю музыки , а прошу разъяснить мнѣ это какънибудь по простѣе. —

Просвѣщенный народъ , продолжалъ я : дѣлаетъ весь свѣтъ своимъ данникомъ. Вѣжливость сама по себѣ — также какъ и прекрасной полъ — имѣетъ столько прелестей , что надобно быть оп-мѣнно безсовѣстну , чтобы сказать о ней дурно. . . Между пѣмъ я думаю что только одна есть точка совершенства , до которой человекъ можетъ достигнуть. . . Если онъ ее переступитъ ,

но больше изменишь своему характеру, нежели усовершенствуешь его. Я не знаю и не могу судить о Французахъ, до какого они степени въ семъ случаѣ доходятъ; но если бы Англичане достигли когда нибудь до такой вѣжливости, которая дѣлаетъ честь Французамъ, то кажешся, въ эпоже самое время, они не потеряли бы и сердечной вѣжливости, которая больше обязываетъ къ челоуѣколюбію, нежели къ одной наружной учтивости. Но совсѣмъ шѣмъ, они потеряли бы тотъ, такъ сказать, характеръ, которой отличаетъ

ихъ одинъ отъ другаго, и вообще — отъ всего свѣша.

Я вынулъ изъ кармана сѣ дюжину шилинговъ Короля Вилліама, которые отъ времени здѣлались шакъ гладки какъ стекло; они послужили мнѣ доказательствомъ вѣ истинѣ.

Извольте посмотрѣть Ваше Сіятельство! говорилъ я Графу, иоложа шилинги на столъ: можно ли ихъ различить? .. Они перебывали вѣ сполькихъ рукахъ, что даже и шшемпель весь стерся... Англичане подобны старымъ деньгамъ, которыхъ берегутъ... Они опличаются отъ

всѣхъ другихъ людей, и никогда неизмѣняютъ своему характеру, коюрой свойственъ имъ поклимату. . . Конечно они не столько прїятны, но зато штемпель шакъ явственъ, что съ перваго взгляда вы разсмотрѣте чей на нихъ портретъ, и что написано. Но Французы, Ваше Сїятельство !!!

Тутъ мнѣ показалось, что Графъ испугался, не буду ли я говоришь чего нибудь въ поношеніе его націи. — Французы, продолжалъ я: имѣютъ столько достоинства, что и безъ вѣжливости обойтись могутъ. Нѣтъ народа, коюрой бы больше былъ

преданъ своему Государю, великодушнѣе, отважнѣе, разумнѣе, прїяшнѣе. Я только нахожу одинъ въ нихъ порокъ, тошть, что они очень суровы. —

Возможно ли это? вскричалъ Графъ вспрыгнувъ со стула: вы шутите. — Ваше Сїятельство я никогда не скажу то чего не чувствую; а это есть точно мое мнѣнїе.

Послѣ того, Графъ сказалъ мнѣ, что онъ до крайности огорченъ, что не можетъ долѣе сомною оспашься, и выслушашь, какїе я спану дѣлашть доводы. Ему надобно было тошть же часъ ѣхашть къ Герцогу Ш... на обѣдъ.

— Я надѣюсь , говорилъ онъ : что вы не сочтете Версалію слишкомъ отдаленною отъ Парижа , и не раздумаете пожаловать ко мнѣ отобѣдать . . . Тогда можете быть , вы перестанете утверждать что Французы суровы ; и какъ бы то ни было , мы увидимъ , докажете ли вы свое предложеніе . . . Берегитесь однакожъ ; вамъ должно будетъ сражаться съ цѣлымъ свѣтомъ . — Я обѣщалъ Графу , до отъѣзду моего изъ Парижа , здѣлать себѣ честь побывать у него .

Г Л А В А XIII.

Искушенье.

По прїѣздѣ моемъ въ Парижъ, дворникъ сказалъ мнѣ, что только передомною, какая по молодая дѣвица съ карзинкою, меня спрашивала, прибавя: что можешь быть она еще и теперь здѣсь. Я взялъ у него ключъ отъ моей комнаты, и повспрѣчался на лѣстницѣ съ молодою дѣвцею.

Эта была та милая горничная дѣвушка, съ копорою я шелъ по набережной. Госпожа Р... послала ее къ модной торговкѣ, не далеко отъ Моденскаго трактира;

а какъ я у ней еще не былъ, по и приказала она ей освѣдомиться, не уѣхалъ ли я изъ Парижа, и не оставилъ ли здѣсь письма къ ней?

Дѣвушка вошла со мною въ комнату и дожидалась, пока я напишу записку. Это было въ Магъ и въ самой прекрасной вечеръ; окны были задернушы алыми шафшяными занавѣсками. . . Солнце скрывалось за Небосклонъ, и бросало такую прелестную тѣнь на нѣжное личико красопки, что я принялъ ее за спыдливость — и самъ зарумянился... Мы были одни, и это то заставило меня еще разъ зарумяниться, и гораздо пре-

жде , нежели первой румянецъ успѣлъ пройти.

Есть родъ пріятнаго румянца , которой не такъ подозрительнъ , и происходитъ болѣе отъ полнокровія , нежели отъ стремительныхъ желаній. . . Сердце раждаетъ его съ скоростію , а добродѣтель лелитъ за нимъ въ слѣдъ — не для того , чтобъ обратишь его назадъ , но чтобы здѣлать ощущеніе пріятнѣйшимъ. . . Дѣвушка начала говорить. . . За чѣмъ все пересказываніе. . . Я почувствовалъ въ себѣ потчасъ , что-то такое , которое нимало не соответствовало тому поучительному уроку , которой я пре-

подалъ ей на канунѣ на набережной. Пять или шесть минушъ искалъ я бумаги, хотя и очень зналъ, что у меня ее совсемъ не было... Я взялъ перо... Оно выпало... Руки мои задрожали... Дьяволъ разжигалъ меня.

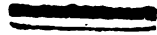
Я зналъ также какъ и всякой другой, что онъ бѣжитъ отъ сопротивленій, но я рѣдко съ нимъ вступаю въ бой; хотя и знаю, что останусь побѣдителемъ — боюсь однакожь быть раненъ самъ въ сраженіи... Для меня важнее и вѣрнее и надежнее уступить ему, и вмѣсто чшобъ гнать его, лучше самому бѣжать отъ него.

Пригожая дѣвушка подошла къ столу, на кошоромѣ искалъ я по напрасну бумаги. . . Она подала мнѣ перо и чернильницу съ такимъ привлекашительнымъ видомъ, что мнѣ не лѣзя было не принять. Какая-то робость овладѣла мною...

Но мнѣ не на чѣмъ писать, моя милая! у меня нѣтъ бумаги. — Какая нужда! отвѣчала она съ простодушіемъ: пишите на чемъ нибудъ.

Я только что хотѣлъ ей сказаши: позволъ милая! позволъ мнѣ написаши на губахъ твоихъ — но разсудилъ что не хорошо здѣлаю, если это ей скажу. — Нѣтъ,

душенька ! я не буду писать. Помощь взявъ ее руки, повелъ къ дверямъ и просилъ не забывашь даннаго мною ей наставленія... Она обѣщала мнѣ помнить его, и обѣщала съ такимъ жаромъ, что возвращаясь назадъ, положила свои руки въ мои... Возможно ли было не пожать ихъ?.. Я хотѣлъ ихъ выпустить — но все держалъ... Я не говорилъ съ нею, но разсуждалъ самъ съ собою... Это меня много мучило, но я все пожималъ ей руки. Я рѣшался кончить сраженіе, рѣшался ее оставить, но вмѣсто чшобъ окончать, я больше начи-

наль. Колѣна мои подломились — я зашрепешалъ.

Постеля была опѣ насѣ не далѣе двухъ шаговъ. . . Я держалъ красотку еще за руки. . . и право не знаю, какъ это случилось. . . только я ей не говорилъ ни слова. . . не подводилъ ее. . . даже мнѣ и вѣ голову не приходило о постелѣ. . . но — мы очутились на ней, и сидѣли оба вѣ ногахъ.

Надобно вамъ сударь, пока-зашъ, говорила она: маленькой кошелечикъ, которой я сшила сего дня по ушпру для вашего ефимка. . . Она искала его вѣ правомъ карма нѣ, съ моей

стороны — искала очень долго, и не нашла. Попомъ опустила руку въ лѣвой — в шупъ не нашла. Бѣдняжка испугалась, думая что она потеряла кошелечикъ. Я никогда ничего не ожидалъ съ такимъ неперпѣнїемъ. Наконецъ она опять начала искать въ правомъ карманѣ, и — нашла.— Вотъ онъ! сказала она обрадовавшись. Онъ былъ зеленой шафшяной, подбишъ бѣлымъ опласомъ, и шочно такой величины, какая нужна для вложенія одного только ефимка. . . Она дала мнѣ его въ руку. Я минушъ съ десять держалъ его на ее передникѣ. . . и смопрѣлъ на него. Гла-

за мои прыгали по шуда, по сю-
да ; а всего чаще встрѣчались съ
глазамъ милой дѣвушки.

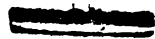
На моемъ галспукѣ распусти-
лись складки. Дѣвушка не говоря
ни слова вынула иглу , и начала
зашивать. . . Я предвидѣлъ всю
опасность , которая угрожала мо-
ей славѣ. . . Но когда она обхватила
руками своими мою шею не пре-
рывая своего молчанія, тогда лав-
ры воображенія моего поколебались
на головѣ моей , и — чуть чуть
не спали. На одномъ баш-
макѣ ее разсхегнулась пряжка. . .
Посмотрите , сказала она : я бы
потеряла ее , ежелибъ теперь

этого не примѣтила... Я не захотѣла бытъ меньше ея учпивымъ. Если она зашила мой галсшукъ, для чего же и мнѣ не засшегнуть у ней пряжки?... Разсшегая клюшу, я приподнялъ другую ножку, чшобъ сличить, какъ равно надобно засшегнуть... Я здѣлалъ это не мношко грубо, и—красавица опрокинулась... И тогда...

Г Л А В А XIV.

Nouy soit qui mal y pense.

Тогда? . . . О вы! кошорыхъ хладныя души и оледенѣлыя сердца

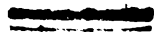

могутъ побѣждать или скрывать спраси свои разсужденіемъ, скажите : какое преступленіе дѣлаешь человѣкъ, когда ихъ чувствуешь ? Неужели душа его, будетъ отвѣчать Творцу всѣхъ душъ за то , что она возмущена ?

Если Природа связавъ узелъ дружбы , запушала въ него нѣсколько нитокъ любви и вожделѣнія, то не ужъ ли должно разорвать весь узелъ , чтобъ достать изъ него двѣ нитки ? Премудрый создатель ! думалъ я : порази такихъ нечувствительныхъ... Въ какое бы мѣсто Ты не переселилъ меня, для испытанія моей добродѣтели, въ какую бы ни былъ вверженъ я опасенъ; каково бы ни

было мое состояніе — дай мнѣ чувствовашь силу спрасшей, свойственную человѣчеству... и если буду управляшь ими какъ должно, тогда — я возложу на Тебя все мое упованіе... Ты сотворилъ насъ, а не мы сотворили себя!

Прочитавъ эту корѣшенъкую молишву, я поднялъ красшочку, и вышелъ сънею изъ комнашы... Пока я запиралъ дверь и клалъ ключь въ карманъ — она стояла подлѣ меня... А какъ пряжка уже была заспегнуша, то мнѣ неоспавялось болѣе дѣлать, какъ поцѣловать ея въ щеку, и взявъ подъ руку, проводишь до самой улицы.

ГЛАВА XV.

Тайна.

Кто знаетъ человеческое сердце, тотъ легко догадается, что мнѣ не лзя было возвратиться скоро въ свою комнату. Я остановился у воротъ, смотрѣлъ на прохожихъ, и дѣлалъ свои заключенія по поразнымъ ихъ поступкамъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя мое вниманіе, и привелъ меня въ замѣшательство. То былъ худощавой высокой человекъ, суроваго виду, съ загорѣлымъ лицомъ, копорой разхаживалъ съ важностію по улицѣ, въ недалнемъ распоянтіи отъ практира. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти; подѣ

мышкою держалъ корошенькую палочку. . . Плашье на немъ было черное суконное, хотя и довольно поношеное, но ни гдѣ не замарано. Онъ безпрестанно снималъ шляпу и подходилъ ко всѣмъ проходящимъ. Я подумалъ что просить милосшины, и приготовилъ нѣсколько мелкихъ денегъ. . . Но онъ прошелъ мимо меня не сказавъ ни одного слова; и опойдя шаговъ шесть — остановился передъ женщиною, которая шла къ нему на встрѣчу. . . Кажется, что ему лучше бы у меня попросить чегонибудь, нежели у ней. . . Поговоря съ нею скинулъ шляпу и подошелъ къ другой. . . Въ это время, проходилъ

мимо его, какой-то пожилыхъ лѣннѣ господинѣ; а за нимѣ молодой человекѣ очень хброшо одѣшый. . . Онѣ ихѣ пропустилѣ обѣихѣ. . . Но минушу спусня, оняшѣ скинулѣ шляпу передѣ женщиною. . . Я остановилса и смотрѣлѣ на него съ добрые полчаса; а онѣ продолжалѣ ходишь по прежнему, вѣ задѣ и вѣ передѣ.

Двѣ вещи были для меня опмѣнно непонятны, кошорыя раждали во мнѣ бесполезныя размышленїя. Первая ша, для чего онѣ рассказывалѣ свою исторїю, однѣмѣ только женщинамѣ? Другая — какого роду было его краснорѣчїе, кошорое употреблялѣ онѣ

къ пораженію ихъ сердець , и которое по видимому не дѣйствовало во все на мущинъ ?

Другія два обстоятельство, еще болѣе дѣлали для меня эту тайну непроницаемою. Любопытно было знать, что онъ шепталъ на ухо женщинамъ, и шепталъ такъ, что можно скорѣе подумать, что онъ повѣрялъ тайну, нежели просилъ милоспины; и отъ чего всякой разъ предпріятіе его было успешно? Каждая женщина, какую онъ ни останавливалъ — вынимала свой кошелекъ, и давала ему нѣсколько денегъ.

Тутъ я больше спалъ размышлять, но совсѣмъ тѣмъ не

могъ истолковать этого чуда. Это была такая загадка, которая занимала меня цѣлой вечеръ, и для того пошелъ я въ свою комнату.

ГЛАВА XVI.

Дѣйствіе совѣсти.

Хозяинъ мой вошелъ за мною, и сказалъ мнѣ чпобъ я пріискивалъ другую кварширу. — Для чего же мой другъ? — Какъ для чего сударь! не увасъ ли была заперта цѣлые два часа, молодая дѣвушка? Это совсѣмъ прошивъ правилъ моего дома! — Ну, господинъ хо-

зяицѣ , если это прошивно шво-
имѣ правиламѣ , шо — дѣлашь нѣ-
чего ; однакожѣ мы разспанемся
сѣ шобою добрыми друзьями , по-
шому что дѣвушка — клянусь ше-
бѣ честію — никакого вреда не
чувсшвовала . . . шакже какѣ и я ;
слѣдстввенно мы кончимѣ сѣ шо-
бою дѣло по дружески . — Ужѣ и
эшого сударь , довольно , чтобѣ
нанести безславіе моему дому . . .
Тупѣ нѣшѣ никакого сомнѣнія . . .
Посмотрите на посшель . . .

Правду сказать : на ней вид-
но было кое - что . . . Но честшлю-
біе мое не допустило меня вспшю
пить сѣ хозяиномѣ вѣ дальшо-

объясненія. Не входя въ большую подробность, просилъ я его успокоиться, и уснуть также крѣпко какъ и я, обѣщавъ завтрѣ же съ нимъ расплашиться.

Мнѣ бы нужды не было сударь! хопъ бы къ вамъ приходила и дюжина дѣвушекъ. — Я и обѣ одной шо не думалъ мой другъ! — Да только приходили бы по упру. — Развѣ въ Парижѣ одна разность во времени дѣлаешъ разность въ преступленіи? — О! конечно сударь! эшо нарушаешъ благоприсшойность.

Умѣя разбирать людей, я те могъ разсердичиться на моего гаяна. — Иноспранцу надобно,

продолжалъ онъ : имѣть свободное время покушать что нибудь , а пошому и не мѣшаетъ посѣпшишь его какой торговкѣ съ кружевами , манжешами , шолковыми чулками и съ корзинкою . . . Такая пускай идешъ . . .

Такъ слѣдстввенно мой другъ , мы оба правы ; я шебѣ клянусь , что у той дѣвушки была карзинка . . . А что въ карзинкѣ было — я право не знаю . — Купили ли вы сударь , у ней что нибудь ? — Ничего . — Такъ я васѣ познакомлю съ другою дѣвушкою , которая продаспѣ вамѣ свой товарѣ дешевлѣ , и ни одного солда лишняго не возмешъ . — Хорошо , очень хо-

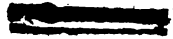

рошо ; а еще было бы лучше , когда бы она ко мнѣ пришла сегодня же ввечеру . — Хозяинъ мнѣ поклонился и не говоря ни слова ушолъ вонъ .

Я воспоржествую надъ нимъ , подумалъ я . Но какая будешъ мнѣ ошъ того польза ? Я ему покажу , что у него прегнусная душа . А попомъ ? Попомъ ? . . . Я едва не проговорился , что черезъ это сдѣлаю пользу другимъ . . . Другова же ошвѣша получше — не придумалъ . . . Я примѣшилъ , что въ предпріяшїи моемъ было больше злоспи , нежели основательности , а за шѣмъ — мнѣ оно и не понравилось .

Едва успѣлъ я заключить миръ въ моей душѣ, какъ вдругъ явилась ко мнѣ молодая торговка съ кружевами. Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я: она пожаловала со-всѣмъ не къ спашу; я право, ничего покупать у ней не въ силахъ.

Она хотѣла мнѣ показать все... Но мудро было показать то, что мнѣ нравилось... Между нѣмъ пришворялась, будто не примѣчаетъ моего равнодушія. Плшовка открыла свой ящикъ, вытаскивала кружева и развертывала ихъ передо мною съ великимъ терпѣніемъ и пріятностію... Ославалось мнѣ покупать; а она

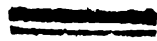
оплачивала свой товаръ за такую цѣну, какую я самъ назначу... Бѣдненькая чрезвычайно хотѣла что нибудь выиграть, и дѣлала все, чѣмъ думала побѣдить мою упорность... Прелести ея были одушевлены простосердечіемъ и ласкою; казалось: что искусство со всемъ имъ не помогало.

Ежели нѣтъ въ человѣкѣ добраго основанія — тѣмъ для него хуже. Сердце мое здѣлалось мягче, и послѣднее предпріятіе перемѣнилось также легко, какъ и первое... За чѣмъ наказывать одного, за погрѣшность другаго? Когда ты илашишь пошлину эшо-

му негодному хозяину, размышлялъ я, посмошря на молодую торговку, шо — жалѣю о пивоей учаспи.

Если бы у меня было въ карманѣ только чешыре луйдора, шо и шогда бы не оппустилъ ее безъ того, чтобъ не купить у ней на шри. Я взялъ одну пару манжетъ.

Хозяинъ раздѣлишъ съ нею барышъ. . . Что нужды? Я заплапилъ также, какъ и многіе прежде меня плачивали за такое дѣло, кошорое они не только могли совершишъ, но даже не имѣли на шо и желанія.

Г Л А В А XVII.

Загадка.

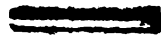
За ужиномъ Лафлеръ сказалъ мнѣ, что хозяинъ чрезвычайно сожалѣетъ, обидѣвъ меня своимъ предложеніемъ о перемѣнѣ кварширы.

Кто хочешь крѣпко спать, тому не должно ложиться съ злобою, когда только въ силахъ ее преодолѣть. Я приказалъ Лафлеру сказать хозяину, что мнѣ самому очень жалко, подавъ ему случай оказать такое непріятное привѣтствіе. Ты можешь и это прибавить Лафлеръ, что я болѣе не захочу видѣть шу

молодую дѣвушку, хопя бы она и пришла ко мнѣ.

Жертва эша конечно была дѣлана не ему — но самому себѣ. *Отдѣлавшись такъ счастливо*, я рѣшился никогда не пускашья на шакую опасность, и — какъ возможно скорѣе уѣхать изъ Парижа, съ шѣмиже правилами добродѣтели, съ каковыми я вѣ него прїѣхалъ. —

Смѣю доложить, милоспивый государь! отвѣчалъ мнѣ Лафлеръ съ превеликимъ поклономъ: эшо будетъ совсемъ *противъ красилъ*. . . Нѣшъ сударь, вы безъ сомнѣнїя перемените ваши мысли. Ну если когда нибудь взду-

маете *возобновиться*? — Пустое Лафлеръ! какая въ этомъ забава. — Чудное дѣло! вскричалъ Лафлеръ, собирая съ стола.

Онъ пошелъ ужинашь, и черезъ часъ возвратился раздѣвать меня съ такою разпорочностію и услужливостію, какой не возможно больше шребовать. Я примѣтилъ, что у него вертѣлось что то такое на языкѣ, чего не смѣлъ онъ мнѣ сказать. Хотя мнѣ это и не понятно казалось, но я не смалъ обременяшь голову пустыми догадками. У меня была другая загадка, гораздо по важнѣе. Я безпрестанно думалъ о томъ

человѣкъ, которой такъ странно просилъ милоспины.

Я бы очень хотѣлъ узнатьъ всѣ подробности, но не изъ любопытства. Это побужденіе для меня очень низко кажется. Тайнство—имѣющее магическую силу смягчашъ такъ скоро женскія сердца — почиталъ я не маловажнѣе Философическаго камня. Если бы принадлежали мнѣ обѣ Индіи — я бы промѣнялъ на него одну.

Я продумалъ цѣлую ночь, но — бесполезно. Мнѣ грѣзились такіе не обыкновенные сны, которые также смущали разумъ мой, какъ нѣкогда — имъ подобные — смущали разумъ Царя Ва-

вилонскаго ; и смѣю увѣришь, что бредни мои были бы также не поняшны для мудрецовъ Французскихъ , какъ бредни Фараона для Халдейскихъ Маговъ.

ГЛАВА XVII.

Воскресенье.

Проснувшись на другой день , я едва могъ узнать Лафлера , который принесъ ко мнѣ завтракъ : онъ одѣтъ былъ щегольски.

Нанимая его въ Монпріу-аъ , я обѣщаль ему новую шляпу съ пеплицею и серебряною

пуговицею; и въ рѣхѣ того шестъ луйдоровѣ на плашье. На все это я далъ ему семь; и Лафлерѣ мастерски употребилъ свои деньги въ Парижѣ.

На немѣ былъ прекрасной алой кафтанѣ съ исподнимъ плашьемъ тогоже цвѣта, весьма мало поношенныя... Я очень былъ недоволенъ когда услышалъ отъ него, что онѣ купилъ все это въ лоскутномъ ряду. Мнѣ хотѣлось лучше знать, что оно здѣлано по немѣ на заказѣ. Но это такая щекотливость, которая не съ лишкомъ много значилъ въ Парижѣ.

Камзолъ у него былъ синій апласной, изрядно вышитый серебромъ; хошя довольно и выпертъ, но не совсемъ еще пошерялъ видъ. Блѣдновашый цвѣтъ апласа, черезмѣрно приличествовалъ кафшану и исподнему платью. Онъ не забылъ купить кошелька, шипыхъ манжетъ и шолковыхъ чулокъ, а припомъ запасся всемъ нужнымъ. Природа одарила его красивымъ спаномъ, копорой не стоилъ ему ни солда... Однимъ словомъ: все вмѣстѣ было опмѣнно хорошо.

Въ такомъ - то нарядѣ, вошелъ ко мнѣ Лафлеръ съ преве-

ликимъ букетомъ цвѣшовъ въ пешлицѣ у кафшана. Веселый видъ, осанка и опрятность его, на помнили мнѣ, что это было Воскресенье. . . . Сображая всѣ обстоятельства я потчасъ понялъ, что вѣрно онъ хопѣлъ вчера просить у меня позволенія провести этотъ день такъ, какъ проводятъ его въ Парижѣ. Лишь только я подумалъ, какъ Лафлеръ съ робкимъ видомъ, но съ нѣкоторою надеждою, просилъ меня уволить его на цѣлой день.

Чтожъ ты Лафлеръ будешь цѣлой день дѣлать? — Погуляю сударь, съ любовницею; отвѣчалъ онъ мнѣ опккровенно.

Я хотѣлъ самъ также быть у Госпожи Р... и для того нарочно нанялъ карету. Такой щеголеватой лакей, не мало бы польстилъ моему тщеславію. Я насилу могъ рѣшился обойтись на это время безъ него.

Въ шаковыхъ случаяхъ не умспвовашь надобно, а чувспвовашь. Слуги дѣлая съ нами договоры, жертвуютъ свободою, но не природою. Они имѣютъ такое же тщеславіе, и такія же желанія, какъ и господа ихъ; но не достатокъ принуждаетъ ихъ отказать отъ самихъ себя. Надѣянiе ихъ бываетъ иногда такъ безразсудно, что если бы они

были не въ томъ состояніи , которое даетъ мнѣ право ко всегдашнему ихъ оскорбленію , я бы часто обманывалъ. . . Но когда вспомню , что они могутъ мнѣ сказать въ то время , какъ я начну надъ ними господствовать : знаю сударь , знаю огень что я вашъ слуга — то чувствую , что теряю всю силу Господства.

Ты можешь ищи Лафлеръ куда тебѣ угодно , говорилъ я ему : но скажи пожалуй , какого рода любовницу подцѣпилъ ты въ такое короткое время въ Парижѣ. Лафлеръ съ нѣкоторою ужимкою открылъ мнѣ , что это была дѣвушка , которую подмѣ-

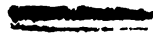
шилъ у Графа Б... Лафлеръ былъ
человѣкъ веселаго духа ; и мол-
вишь правду ; онъ такойже былъ
не промахъ , какъ и Господинъ
его. . , Но какимъ образомъ уда-
лось ему тушь — не понимаю.
Онъ сказалъ мнѣ только то, что
когда я былъ у Графа , онъ по-
знакомился съ дѣвушкою передъ
лѣсницею ; и въ то время какъ
я старался исходатайствовать по-
кровительство у Графа , Лафлеръ
добивался такого же у пригожей
дѣвчонки. Она должна была ны-
нѣшній день прийти въ Парижъ,
съ двумя или тремя своими прѣ-
шельницами Графскаго же дома ,
и Лафлеръ далъ слово гулять съ
ними по валу.

Щасливой народъ! ты по-
крайности хопя одичъ разъ вѣ
недѣлю забывашь можешь свои
скорьби, и провождашь день вѣ
радостяхъ, збросивъ съ себя иго
забошъ и печалей, удручающихъ
всѣ другія состоянїя!

ГЛАВА XIX.

Не предвидимое ултраженїе.

Ни Лафлеру, ни мнѣ самому
не приходило вѣ голову, чшобъ
онъ осшавилъ мнѣ такую забаву
кошорая заняла меня очень дол-
го.

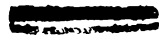
Онъ принесъ ко мнѣ масло на смоковничьемъ листѣ , а какъ въ то время было очень тепло , то выпросилъ у кого то старой лоскутъ бумаги и подложилъ его подъ листъ , вмѣсто шарелки.

Я велѣлъ ему все это поставивъ на столъ такъ точно , какъ лежало у него на рукѣ . Опустивъ его со двора , я расположился оспаться на цѣлой день дома , и для того приказалъ хозяину приготовить мнѣ обѣдъ .

Сѣвши масло , выбросилъ листъ за окно ; я бы поже здѣлалъ и съ бумагою , если бы она

не была печатная; мнѣ захопѣлось ее посмотрѣть. Я прочелъ одну строку, потомъ другую и—трешью. Любопытство побуждало меня читать далѣе. Я зашворилъ окно, сѣлъ и принялся за нее порядочно.

Она была писана старымъ французскимъ языкомъ, какъ казалось, во времена Рабеласа; а можетъ быть и имъ самимъ. Литеры были стары, и такъ изгладились отъ долговременнаго употребленія, что мнѣ крайне было трудно разбирать. Я оставилъ чтеніе, и началъ писать къ другу моему Евгенію. . . Потомъ взялъ опять ласкупокъ; и вы-

шедъ изъ терпѣнія , хошѣлъ успокоить себя , и — написалъ къ тебѣ милая Лизета ; но раздраженный запрудненіемъ прочиташъ проклящую бумагу , я взялъ ее еще разъ , и разбиралъ до самаго обѣда.

Разгорячивъ свое воображеніе бушкой бургонскаго вина , я опять приступилъ къ моему уроку.

Грутеръ или *Споній* никогда столько не старались проникнуть смыслъ неизвѣстныхъ медалей ; въ два или три часа , я чувствовалъ себя въ силахъ понимать то , что читалъ. . . Для лучшаго удовольствіенія мнѣ вздумалось пере-

вести по Англински , и посмо-
 смопрѣть что изъ этого вый-
 дешь. . . Я долго расхаживалъ по
 комнашѣ , садился къ окну, бралъ
 перо , и наконецъ въ девять ча-
 совъ вечера кончилъ мой шрудъ...
 Пусть судяшъ о немъ какъ хо-
 тьяшъ. Вопъ онъ :

ГЛАВА XX.

Другой отрывокъ.

„Жена Нотаріуса съ великимъ
 жаромъ спорила объ эшомъ съ
 своимъ мужемъ. Я желалъ бы ска-
 залъ Нотаріусъ бросивъ на полъ
 свою бумагу: что бы кто нибудь

другой былъ теперь на моемъ
мѣспѣ „

„А что бы ты тогда сдѣ-
лалъ? спросила она его вспрыг-
нувъ съ стула. Жена Нопаріуса
была женщина не большого
роста злая и вздорная ; а
чтобъ избѣгнутьъ свирѣпостей
Урагана, мужъ рассудилъ за
благо отвѣчать ей поскромнѣе.
— Я бы легъ тогда спать. —
Какаяжъ мнѣ нужда, перервала
жена : хотъ бы ты пошелъ къ
чорну, мнѣ все равно ! „

„Во Франціи нѣтъ обыкно-
венія ставить лишнія въ комна-
тахъ постели ; а какъ у нихъ
была одна, то Нопаріусъ ни мало

не хотѣлъ спать съ своею женою, которая посылала его къ чорту, и которую однакоже другой мужъ, нѣсколько повспылчивше, также проводилъ бы къ дьяволу; а Нопаріусъ взявъ шляпу, трость и муфту — ушелъ со двора. „

„На эту пору случилась ненастная и дождливая ночь; бѣднякъ Нопаріусъ съ большою горевшю пробирался къ *новому мосту*. „

„Всѣ шѣ которые черезъ него переходили, должны признашья, что изъ всѣхъ мостовъ, какіе только есть на земномъ шарѣ, *новой мостъ* всѣхъ лучше, огромнѣе, ширѣ и великолѣпнѣе. „

Можешъ быть я и ошибаюсь: по описанію которое дѣлаешъ сочинитель отрывка заключить должно, что онъ былъ не Французъ. Но будемъ продолжашъ: продолженіе лучше дурнаго разсужденія.

„Одинъ порокъ, которой приписываютъ этому мосту Господа Богословы, Сорбонскіе учителя и Козуисшы, есть тошъ, что когда случается въ Парижѣ вѣшеръ, то нигдѣ больше и нигдѣ чаще не браняшъ Природу, какъ на немъ. И это совершенная правда друзья мой! шамъ

вѣтеръ реветъ спрашно. Онъ несется съ такою стремительною и скорою силою, что изъ пятидесяти проходящихъ особъ, едва ли останешся одна, съ копорою бы чего нибудь не сорвало, или не открыло бы чего. . . ,

„Бѣдный Нопаріусъ желая спасти свою шляпу, прижалъ ее къ головѣ просшью, и проходя въ это самое время мимо караульни, задѣлъ концомъ за шляпу караульнаго. Шляпа ослабѣла, вѣтеръ сорвалъ съ головы его и — свѣялъ въ рѣку. „

„Это вѣтеръ проказитъ, сказалъ перевощикъ, подхватя шляпу съ своего челнока. „

„Караульной былъ Гасконецъ. Пошера шляпы привела его въ ярость ; онъ запрясъ усами и поднялъ свой пицаль. „

„Въ тѣ времена спрѣляли изъ пицалей , не иначе какъ посредствомъ фитиля. Въперъ , которой дѣлаешъ не постижимыя чудеса , задулъ огонь въ бумажномъ фонарѣ, бывшемъ въ рукахъ одной мимо идущей старушки. Она подошедъ къ караульному , просила его зажечь свою свѣчку... Это самое умѣрило нѣсколько гнѣвъ Гасконца , и подало ему мысль , обратишь эшотъ случай въ лучшую для себя пользу... Онъ подбѣжалъ къ Ношаріусу и схватилъ

съ головы его бобровую шляпу. Это вътеръ проказитъ , сказалъ онъ , чтобъ получить на добычу свою такое же право , какъ и перевощикъ. ,,

„Жалкой Нотаріусъ не отвѣчая ни слова , перешелъ мостъ ; но вышедъ на Дофинову улицу , началъ жаловаться на судьбу свою. ,,

„Какъ я несчастливъ! вскричалъ онъ : неужели цѣлой вѣкъ буду игралищемъ бури , непогоды и вѣтра? Неужели родился я только для того ; чтобъ слышать злорѣчія и проклятія , которыми осыпаютъ безпрестанно моихъ собратій и меня? Не уже-

ли судьба моя нарочно принудила меня черезъ церковное заклинаніе жениться на такой женѣ, которая — прежде нежели вплѣлась въ это дѣло — была опшмѣнно тиха, а теперь злѣе всякой фуріи? Не ужели для того возсшали прошиву меня домашнія бури, чтобъ дашь случай этому, лишить меня моей бобровой шляпы? Теперь, съ опкрытою головою и въ ненастную погоду предаюсь я во власшь свирѣпато вихря. Куда ийти? Гдѣ провести мнѣ ночь? Случалось ли шакое нещасіе, хотя съ однимъ изъ моихъ собратій? „

„Такъ ропталъ Ношаріусъ на судьбу свою , какъ вдругъ услышалъ — на концѣ темнаго переулка — голосъ , копорой приказывалъ позвать какъ можно скорѣе , самаго ближайшаго Ношаріуса. . . . Ношаріусъ подумавъ , что не лзя ни кому быть ближе его , объявилъ о своемъ званіи. Случай и воровъ дѣлаешъ. Онъ повернулъ въ переулокъ , и взошелъ черезъ распворенную дверь въ большую залу , откуда спарая служанка провела его въ другую комнашу , еще гораздо болѣе, гдѣ никакихъ другихъ мебелей не было , кромѣ длиннаго бердыша , лапъ , за ржавѣлаго палаша и широкаго рем-

ня, которые были развѣшаны на звездахъ по всѣмъ стѣнамъ. „

„Одинъ дряхлой и безъ сомнѣнiя благородной — если только злощасiе и нищета не помрачаютъ благородства — лежалъ на кровати, задернутой занавѣсомъ. Рука служила ему вмѣсто подушки. Возлѣ постели на маленькомъ столикѣ стояла свѣчка, которая освѣщала всю комнату. Нотариусъ сѣлъ на стулъ близъ самой кровати, и вынувъ изъ кармана чернильницу и листа два бумаги, положилъ на столъ — обмочилъ перо — нагнулъ голову свою на бумагу — и съ величай-

шимъ вниманіемъ приготоувился
къ слушанію. „

„Увы! господинъ Нотаріусъ,
говорилъ изнемогающій: я такъ
бѣденъ, что не имѣю чѣмъ за-
плашпть и за духовную, кромѣ
одной моей исторіей. . . и при-
знаюсь тебѣ, что я не умру спо-
койно, если не выпущу ее въ
свѣтъ. . . Я опказываю тебѣ весь
доходъ, кошорой ты отъ нее
получишь. . . Но берегись, чтобъ
книгопродавцы не подорвали ея
кредита. . . Это такая не обыкно-
венная исторія, кошорую весь
свѣтъ читать будетъ съ жадно-
стію. . . Она соснавитъ счастье

твоего семейства. . . Но еще разъ:
берегись книгопродавцевъ. . . „

„Чернила засохли; Нопарі-
усъ опять обмокнулъ перо. „

„Всемощный правитель всѣхъ
произшествіи моей жизни! возо-
пилъ спарикъ поднявъ глаза и
руки къ небу. О Ты! коего могу-
щественная длань препровожда-
ла меня черезъ лабиринтъ стран-
ныхъ приключеніи — укрѣпи па-
мять дряхлаго и печальнаго. . .
Руководствуй языкъ мой духомъ
вѣчной твоей истины, и внуши
сему незнакомцу, да не напи-
шетъ онъ ничего такого, чего
не было написано въ эпшій неви-

димой книгѣ, которая должна меня осудить или помиловать. „

„Ношаріусъ издавна наслышавшись, что романы ничто иное какъ бредни, восхищенъ былъ до безумія, что ему удастся написать хотя одинъ наполненной истиною. . . Онъ приподнялъ перо свое и—гошовъ былъ начашъ. „

„Эта исторія, господинъ Ношаріусъ, сказалъ умирающій: приведетъ въ состраданіе всю природу. . . Она сокрушитъ чело-вѣческія сердца; и самыя жесто-кія, самыя свирѣпыя души почув-ствуютъ умиленіе. „

„Ношаріусъ рвался отъ не-
терпѣнія; ему ошмѣнно хотѣлось
скорѣе писать, и какъ догадашь-
ся можно, больше для того,
чтобъ выдать ее послѣ въ свѣтъ
подъ своимъ именемъ. Онъ вообра-
жалъ, что на него будутъ смол-
рѣшь какъ на чудо... Онъ обмок-
нулъ перо въ шрепій разъ; боль-
ной оборотясь къ нему сказалъ:
лишине Господинъ Ношаріусъ; и
Ношаріусъ размахистымъ почер-
комъ приступилъ къ дѣлу... „

Гдѣже продолженіе? Спро-
силъ я Лафлера, кошорой въ са-
мую эту минушу вошелъ ко мнѣ
въ комнату.

ГЛАВА XXI.

Букетъ цвѣтовъ.

Продолженіе сударь? Ихъ поль-
ко два листа и было; эштошъ, ~~и~~
еще другой съ букетомъ цвѣтовъ,
кошорой подарилъ я моей краса-
вицѣ. — Здѣлай же одолженіе Ла-
флеръ, сбѣгай за нимъ, и если
онъ у ней еще цѣлъ, попроси
его. — Безъ сомнѣнія цѣлъ сударь;
сказалъ и побѣжалъ во весь духъ.

Черезъ нѣсколько минушъ
онъ возвратился, такъ запыхав-
шись и такъ опечаленъ, какъ бы
что нибудь поперялъ драгоцѣн-

нѣйшее. . . Праведной! Боже! вскричалъ Лафлеръ: еще не прошло четверти часа, какъ я разспался съ нею со всею нѣжноспію, а въпренинѣ успѣла уже въ такое короткое время, подарить залогъ моей нѣжности какому то Графскому лакею. . . Я побѣжалъ сударь къ нему, но и шутъ опоздалъ: онъ подарилъ его молодой кружевницѣ, а она опдала его знакомому музыканту, которой унесъ его, Богъ знаетъ куда. — И съ печатынымъ лиспомъ Лафлеръ? — Да сударь! — какъ бышь Лафлеръ! мнѣ право не меньше твоего досадно. . . Я вздохнулъ и — Лафлеръ за мною; но съ тою

разницею что Лафлеровъ вздохъ былъ гораздо слышнѣе.

Какое вѣроломство! вскричалъ Лафлеръ. — Да, это не шутка; опвѣчалъ я. — Мнѣ бы не такъ было больно, если бы она его потеряла. — И мнѣ также Лафлеръ, еслибы я его нашелъ.

Г Л А В А XXII.

Дѣйствиe благотворенiя.

Человѣкъ, которой боится войти въ темное мѣсто, можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ и способнымъ ко многимъ дѣламъ, но — не можетъ быть хорошимъ

гу встѣеннымъ путешественникомъ. Я мало занимаюсь шѣмъ , что происходитъ среди бѣла дня на большихъ улицахъ. . . Природа весьма скромна , и не любитъ дѣйствовать передъ многими зрителями. Иногда — въ какомъ нибудь закулкѣ — случается видѣть такія короткія явленія , которыя несравненно больше стоятъ , нежели всѣ чувствованія дюжины Французскихъ трагедій соединенныхъ вмѣстѣ. . . Однакожъ и онѣ годятся. . . Когда мнѣ захочется сочинить проповѣдь , нѣсколько красивѣе обыкновенной , я всегда ихъ читаю , и нахожу неизчерпаемый источникъ матеріаловъ. . . .

Каппадокія, Понтъ, Азія, Фригія, Памфілія и Мексика сполькоже снабжаютъ меня хорошими шек-стамя, какъ и Библія.

Изъ комической оперы есть длинной и шемной ходъ въ переулокъ, куда ходящѣ шолько шѣ, которые намѣрены ждашь извощика, или ишши пѣшкомъ. Конецъ эпого коридора освѣщенъ хруспальнойю лампадкою, опкуда слабый свѣшъ шеряется прежде, нежели дойдешъ до другога конца. Свѣшильня эта поставлена не сполько для освѣщенія, какъ для украшенія. Издали она похожа на неподвижную маленькую звѣздоч-

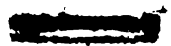
ку , которая горитъ а ни какой пользы не дѣлаетъ.

Проходя черезъ это мѣсто , за пять или за шесть шаговъ отъ улицы , увидѣлъ я двухъ женщинъ , которыя держали другъ друга за руку , и казалось ожидали кареты. Подкравшись къ нимъ по ближе , я пришаился. . . На мнѣ было черное платье , а потому и не могли они меня примѣнить.

Я самъ не могъ хорошо распознать ихъ черты ; но подкравшись къ нимъ замѣнилъ , что та , которая стояла ко мнѣ ближе , была лѣтъ тридцати шести , росту высокаго , худощавая ; а

другая ниже и полнѣе, но поспарѣе. Я право не знаю, замужня ли онѣ были, вдовы, или — по чему нибудь особенному оспались жалкими веспалками, кошорыя скучали своимѣ сосшоаніемѣ сполькоже какѣ и званіемѣ. Всего болѣе мнѣ понравилосъ вѣ нихѣ шо, что онѣ не расположены были кѣ льспивымѣ напѣвамѣ любовниковѣ, и казалосъ, не охотно могли внимать нѣжныя ихѣ ласки... Однакожѣ я не могѣ здѣлать ихѣ щаспливыми... Судьба опредѣлила кѣ шому другова.

Вдругѣ послышался тихой голосѣ, кошорой весьма убѣдительно и сѣ пріятнымѣ тономѣ,

просилъ у нихъ ради Христа двенадцать сольдовъ. . . Для меня было странно , что нищій опредѣлишельно назначалъ, какую ему подашь милосшину, и въ двенадцать разъ больше , какъ обыкновенно подающъ имъ и днемъ и ночью. . . Женщины удивились не менѣ моего. . . Двенадцать сольдовъ ! сказала одна. — Двенадцать сольдовъ ! повторила другая. —

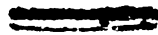
Я не смѣлъ , Милосшивыя Государыни ! говорилъ бѣднякъ , попросишь меньше , у такихъ знатныхъ особъ какъ вы. Сказалъ и поклонился имъ въ поясъ.

Богъ съ тобой , голубчикъ !
опивѣчали обѣ : у насъ нѣшъ мел-
кихъ денегъ.

Онъ помолчавъ минушы съ
двѣ — возобновилъ свою прозьбу.

Сжалъшесь надомною , пре-
красныя госпожи ! — право мой
другъ ! сказала одна изъ нихъ по
моложе : у насъ нѣшъ мелкихъ
денегъ. — Да благословишъ васъ
Богъ , продолжалъ нищій : и да
низпошлешъ вамъ благодашь свою...

Спаршая опустила руку въ
карманъ. Посмотримъ , нѣшъ ли
шущъ хоть одного сольда. —
Одинъ сольдъ ! перервалъ нищій :
Ахъ сударыня ! пожалуйста две-

надцать. Если Природа была такъ жъ вамъ щедра, то не поскупи- шесь дать несчастному со всѣмъ ею оставленному.

Я бы конечно неопказала, говорила младшая: если бы у меня были деньги. —

Сосрадапельныя красавицы! продолжалъ онъ: одна только добродѣшель и челоуѣколюбіе при- дають такой сильной и пріят- ной блескъ глазамъ вашимъ, о которыхъ сей часъ Маркизъ де Вилліерсъ проходя мимо, гово- рилъ съ великимъ удивленіемъ своему брату.

Такое убѣжденіе пронуло обѣихъ: онъ вдругъ опустили

руки въ карманѣ , и вынули каждая по двенадцати сольдовѣ . Спорѣ прекратился между ими , но осталось одно недоумѣнїе , кому изъ нихъ опадать двенадцати—сольдную монету . Кончилось пѣмѣ , что онѣ — обѣ дали ему по шаковой , и нищей — ушолѣ .

Г Л А В А ХХІІІ.

Отгадка.

Я побѣжалѣ за нимѣ , и увидѣлѣ что это былѣ попѣ самой копорой попался мнѣ передѣ Моденскимѣ пракширомѣ , и привелѣ

меня въ такое замѣшательство...
Топчасъ постигъ я его шайнство,
и узналъ, что основаніе его бы-
ла — лешъ.

Сладостной фиміамъ! какую
прохладу подаешь ты Природѣ!
какое производитъ въ ней сопря-
сеніе! съ какою пріятностію вхо-
дишь въ кровь, и достигаешь
до нашего сердца.

Время было свободное, и
нищій не торопился изливашъ
усладительной свой нектаръ. Но
въ такихъ случаяхъ, гдѣ требо-
вались переломы скорые, а особ-
ливо на улицахъ, онъ безъ со-
мнѣнія имѣлъ шайнство соспав-
ляшъ изъ него самый наишончай-

шій спиртъ. Я забочусь знать, какъ онъ его производилъ? Довольно съ меня и того, что узналъ, какимъ посредствомъ доспалъ онъ двадцать четыре солда. На семъ свѣтѣ весьма много подобныхъ химиковъ, которые черезъ составленіе шаковыхъ спиртовъ, живутъ въ большой изобиліи; пусть они дадутъ лучшее поняшіе о таинственныхъ своихъ Лабораторіяхъ.

ГЛАВА XXIV.

Опыты.

Вспуная въ свѣтѣ, мы болѣе любимъ одолжаться, нежели одо-

жашь. Тогда шолько поливаемъ мы яблонь, когда ѣдимъ съ ней яблоки, или — надѣемся ѣсть.

Графъ де Б... доставя мнѣ паспортъ, здѣлалъ и другое одолженіе. . . Пріѣхавъ въ Парижъ на нѣсколько дней, онъ познакомилъ меня со многими своими пріятелями.

Я весьма къ сщашъ придумалъ обратишь новое знакомство съ знашными въ свою пользу. Безъ него — обѣдая или ужиная у всѣхъ по очереди, — какъ обыкновенно водилъся — и здѣлавъ привычку чипать на лицахъ, я бы часшо переводилъ съ Французска-

го на Англинской , что я сѣлъ за столъ не на свое мѣсто, и что на моемъ стулѣ, могъ бы сидѣть другой , для общества несравненно меня пріятнѣе. По характеру моему , думалъ я , что всѣ эти мѣста, одно за другимъ должно оставишь , пошому , что не умѣлъ сберець ихъ. Выдумка моя удалась , и дѣло — пошло своимъ чередомъ.

Я былъ представленъ старому Герцогу , — которъ опличался нѣкогда геройскими подвигами при дворѣ Цишеры , и до сихъ поръ сохранилъ еще нѣкоторыя признаки старинныхъ рыцарскихъ игръ. Онъ спрашивалъ у меня

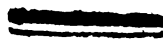
объ Англичанахъ. — Мнѣ очень хочется, сказалъ Герцогъ; побывать въ Англіи. — Смѣю доложить Вашей Свѣшлости, что гораздо лучше шуда не ѣздишь. Одинъ ласковой ихъ взоръ, споишь великаго шруда для Англійскихъ вельможъ. — Послѣ этого Герцогъ пригласилъ меня къ обѣденному столу.

Главный опкущикъ П. . . надѣлалъ миѣ множество вопросовъ объ Англинскихъ сборахъ. — Я слышалъ, сказалъ онъ: что сборы у васъ чрезвычайно велики. — Можешъ бышь они и были бы шаковы, опвѣчалъ я съ пренискимъ поклономъ: если бы вы на

учили насъ собирать ихъ. --- Богатой опкущикъ позвалъ меня къ ужину.

Кто то вздумалъ сказать Маркизъ де Ж... что я уменъ, Маркиза и сама была очень умна. Она нешерпѣливо желала меня видѣть, и поговорить со мною.

Прежде нежели успѣлъ я съссть, увидѣлъ, что никто не хощѣлъ даже и знать, уменъ ли я, или дуракъ. Мнѣ казалось, что для того только и впустили меня въ собраніе, чтобъ удивляться уму Маркизы. Клянусь Богомъ, что мнѣ не удалось ни одного слова вымолвить, а Маркиза пре-

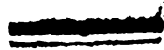
возносила мой умъ до безконечности.

Госпожа Ф. . . увѣряла всѣхъ, что она никогда и ни съ кѣмъ не имѣла такого моральнаго разговора, какъ со мною.

Жизнь и владычество знающей Парижанки, раздѣляется на три эпохи. Прежде бываетъ кокеткою; потомъ — *Дейсткою*; а на конецъ — *Богомолкою*. Владычество ея существуетъ всегда, но съ пою разницею, что перемѣняются ея подданные. Невольники любви исчезаютъ въ концѣ ея тридцати пяти лѣтъ; мѣста ихъ заступаютъ рабы невѣрїя; а за ними слѣдуютъ --- служители церкви. Госпожа Ф. . . балансировала между дву-

мя первыми эпохами. Розы ея увядали, и мнѣ очень было примѣшно, что она ---уже лѣшѣ за пяшь до моего посѣщенія --- должна бышь *деишкою*.

Госпожа Ф. посадила меня на софу подлѣ себя, чшобѣ удобнѣе разсуждать о законѣ. Не прошло чешырехѣ минушѣ, какѣ она мнѣ сказала: чшо ничему не вѣришѣ. -- Можешѣ спашься, сударыня, вы шакѣ и думаеше, однакожѣ и я не вѣрю, чшобѣ вы находили какую нибудѣ выгоду вѣ опроверженіи такого нужного успроенія. Какая крѣпосшь устоишѣ безѣ ограды? Нѣшѣ ничего опаснѣе для красавицы, какѣ бышь *деишкою*...

Символъ вѣры обязываетъ меня сказать вамъ это. Боже мой! сударыня, какія бываютъ отъ того бѣдствія! посудите, я не болѣе сижу возлѣ васъ пяти минутъ, а ужъ нѣкоторая блажь успѣла войти въ мою голову. Кто знаетъ, можетъ быть я и покусился бы слѣдовать моимъ стремленіямъ, ежели бы не былъ увѣренъ, что благоговѣніе ваше къ Религїи, здѣлаетъ преграду въ ихъ успѣхѣ?

Мы не невольники, сказалъ я взявъ ее руку — и не должны быть скованы. Придетъ время, цѣпи сами по себѣ свяжутъ насъ... Но, сударыня! прибавилъ я, по-

цѣловавъ у ней руку: темерь очень еще рано...

Слухъ разнесся по всему Парижу, что я обратилъ къ вѣрѣ Госпожу Ф... Она встрѣшась съ Господиномъ Д... и Аббатомъ М... увѣряла ихъ, что я въ чешыре минушы наговорилъ ей въ пользу Религїи больше, нежели написано пропивъ нее въ цѣлой ихъ Энциклопедїи. Я былъ потчасъ помѣщенъ въ дружескую бесѣду Госпожи Ф... которая опстрочила еще на два года наешупившую эпоху ея *дизма*.

Однажды бывъ у ней, старался я всему обществу доказать

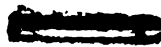

необходимость *первой вины*. Среди самыхъ сильныхъ убѣжденій , и тогда, какъ всѣ съ опмѣннымъ вниманіемъ слушали, одинъ молодой Графъ де С. . . взявъ меня за руку, опшелъ подальше въ уголъ. Вы не остереглись, сказалъ онъ мнѣ пошухоньку: на васъ галсшукъ очень шуго повязанъ; надобно чшобъ онъ развѣвался. . . Посмотрите на мой. . . Я не хочу говорить вамъ больше; для умнаго и одно слово поняшно Г. Йорикъ.--

И одно слово сказанное умнымъ, очень вразумительно Графъ! опвѣшъ мой ему опмѣнно понравился. Онъ поцѣловалъ меня съ

такимъ жаромъ , съ какимъ не
цѣловалъ меня никто во всю
жизнь.

Недѣли при былъ я общимъ
предмѣшомъ всѣхъ разговоровъ. —
По чеспи ! говорили одни: эшотъ
Йорикъ сполько же уменъ, какъ
и мы. Онъ удивительно рассу-
ждаетъ , повпоряли другіе. Не мо-
жешъ бышь его забавнѣе въ об-
щесшвахъ, швердили прешьи. Мнѣ
легко бы было за эту цѣну, обѣ-
дашь безденежно во всѣхъ домахъ
въ Парижѣ , и провождашь жизнь
мою въ кругу большаго свѣша. Но
какой промыселъ ! я стыдился
и думашъ объ немъ. Такая роля

прилична однимъ подлымъ рабамъ, но — совсемъ прошивна чувствованіямъ чесни. Чѣмъ знашяѣ были посѣщаемыя мною общества, шѣмъ больше принужденъ бывалъ употреблять способъ, которому научился я въ глухомъ переулкѣ, новыходѣ изъ комической оперы. Дружеская бесѣда въ Парижѣ, тогда шолько заслуживала особое почтеніе, когда наполнялась льспецами; и чшобъ понравиться, надобно было ихъ превзойти, а я и опѣхъ сокрушался. Проведя одну ночь съ нѣкоторыми знашными господами въ раболѣпствованіи, мнѣ такъ сдѣлалось скучно, что я ушелъ спать,

и приказалъ Лафлеру, на самомъ разсвѣшѣ сыскашь почтовыхъ лошадей. Такимъ образомъ оставилъ я Парижъ и добрыхъ друзей, которыхъ доспавило мнѣ подшриваніе.

ГЛАВА XXV.

Ю л і я.

Мнѣ хопѣлось видѣть Брепанію, а пошому и поѣхалъ черезъ Лораръ. Тамъ, можетъ быть, думалъ я, встрѣшишся сомною прелѣспная Юлія.

До сихъ поръ не зналъ я того запрудненія, кошорое раж-

дается опѣ изобилїя. Но какое зрѣлище для путешественника, когда онѣ проѣзжаетъ черезъ Турену во время собранїя винограда; когда Природа щедрою рукою сыплетьъ благодѣянїя на трудолюбиваго земледѣльца; когда весь свѣтъ находится въ восторгахъ! какая разница между улыбающимися прїятными берегами Лоара, съ мрачными лугами Англїи? Я промѣнялъ бы всѣ дворцы вселенной, на одинѣ шалашѣ покрытый соломой, но --- съ уговоромъ: если ты милая Лизета будешь жить въ немѣ со мною.

Какими сладостными чувствованїями напоено было мое

сердце отъ этаго путешествія? Всякая работа была предшествована музыкою; и малолѣтные поселяне, прытая отъ радости, переносили виноградныя киспи въ щиски. Никогда не чувствовалъ я такого восхищенія; всякой шалашъ занималъ меня до безмѣрности.

Милосердый Боже! какая неизчерпаемая матерія Твоихъ щедротъ, которыхъ и въ двадцати книгахъ описать не возможно. Но уввы! повѣсть о Юліи, бѣдной Юліи, занимаетъ половину остатка моей бумаги. . . Другъ мой Шанди познакомился съ нею близъ Амбуаза; и исторія этой злополучной и помѣщенной дѣ-

вушки чувствительно меня протала... Прїѣхавъ на *вдовой ямъ*, не могъ вытерпѣть, чшобъ о ней не спросить, и для того пошелъ иѣшкомъ съ полмили, въ ту деревню, гдѣ жили ее родители.

Признаюсь, что желая узнать горесшныя приключенія, я очень походилъ на *Рыцаря итальнаго образа*. Право не знаю какъ это случается; но никогда больше не увѣренъ въ существованіи моей души, какъ въ то время, когда я занятъ бываю несчастными приключеніями.

Старуха, мать Юліи, отворила мнѣ дверь, и прежде нежели раскрыла ротъ, я прочиталъ на лицѣ ея всю испорію. Она ли-

шила съ своего мужа. Онъ умеръ за мѣсяцъ передъ тѣмъ съ горести, что дочь его Юлія была помѣшана.

Мать боялась очень, чтобъ такое произшествіе не повредило во все разумъ ея дочери, однакожъ случилось со всею на прошивъ: она стала приходиль въ себя. Юлія жаловалась мнѣ, что ей всегда что-то дурно. Увы! продолжала спаруха, заливаясь слезами: можетъ быть и шеперь бѣдная дочь моя бредитъ гдѣ нибудь около деревни.

Отъ чего пульсъ мой бьется шеперь такъ тихо? Отъ чего Лафлеръ — кошорой ни чѣмъ не

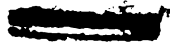

занимается кромѣ веселости — упираетъ слезы свои два раза, въ то время какъ старуха рассказываетъ о своей дочери?

Я приказалъ почталіону поворошить лошадей къ Амбуазу. Не доѣзжая до города за полмили, увидѣлъ — на узинькой тропинкѣ, пролѣгающей къ виноградному кустарнику — несчастную Юлію, сидящую подъ ивою. Она оперлась на колѣна, а голову положила на руки. . . . Небольшой ручей протекалъ близъ дерева. . . . Я отправилъ Лафлера въ городъ, и велѣлъ приготовить для меня ужинъ.

Юлія была въ бѣломъ плащѣ, и почти также, какъ описывалъ

ее мой другъ Шанди; но съ тою только розницею, что тогда какъ онъ ея видѣлъ, волосы у ней были подобраны шелковою сѣточкою, а теперь распущены. Сверхъ того она надѣла черезъ плѣчо блѣднозеленую ленту, на кошорой висѣла свирѣль... На мѣсто козочки, кошорая здѣлалась ей также невѣрна, какъ и любовникъ — лежала возлѣ нее маленькая собачка, привязанная на веревочкѣ къ ея рукѣ... Я посмотрѣлъ на собачку, и Юлія дернула ее къ себѣ. — Ты Сильвіо! ты хотя покрайней мѣрѣ не оставляй меня! сказала она. — Я устремилъ на нее глаза, и замѣчалъ

но слезамъ , которыя текли во время ея словъ — что она болѣе думала объ отцѣ своемъ, нежели о невѣрномъ любовникѣ и непоспоянной козочкѣ.

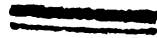
Я сѣлъ возлѣ нее, и она позволила мнѣ платкомъ опираться у ней слезы. . . Я оперъ имъ и мои. . . и чувствовалъ въ себя такія ощущенія , которыя конечно не могли произойти ни отъ какого смѣшенія матеріи съ движеніемъ.

О! я увѣренъ, что во мнѣ есть душа. Никакіе матеріалисты со всеми своими доказательствами меня въ томъ не переувѣрятъ.

ГЛАВА ХХVI.

Продолженіе о Юліи

Не много снущя Юлія опомнилась. Я спросилъ у нее, не вспомнитъ ли она высокаго, блѣднаго и худощаваго мужчину, кошорой года два назадъ сидѣлъ между ею и козочкою? Она отвѣчала мнѣ, что въ то время была очень смѣшена, но не забыла его по двумъ обстоятельствамъ; первое: что этотъ человекъ сердечно жалѣлъ о ея участи; а второе: что ея козочка ушатила у него платокъ, за что она ее наказала. Юлія его нашла, вымыла въ ручейкѣ, и попомъ всегда носила въ карманѣ, съ тѣмъ намѣрені-

емъ , чтобъ его возврашшь ему, когда она съ нимъ увидишся. — Онъ обѣщаль повидашься со мною; прибавила она , вынувъ плашокъ изъ кармана. Онъ былъ обернушъ виноградными лиспьями, кошорые Юлія по временамъ перемѣняла. Она развернула , и показала мнѣ на одномъ уголкѣ букву Ш.

Юлія сказывала : что послѣ того была въ Римѣ , обошла во кругъ Петропавловской церкви — одна бродила по Апенинскимъ горамъ — безъ денегъ пробралась черезъ всю Ломбардію , и безъ башмаковъ черезъ камениспья мѣста Савоіи. Она ничего не упомяшъ , чѣмъ пишалась дорогою , и какъ могла перенесшъ столько

безпокойства. — Милосердый Богъ, прибавила она: укрощаетъ въпры для обсприженнаго агнца. —

Агнца беззащитнаго, нѣжнаго, слабаго! вскричалъ я. Ахъ! еслибы ты была на моей родинѣ, я бы взялъ тебя въ мою маленькую хижину и шамъ—укрылъ бы онъ всѣхъ горестей. . . Ты пишалась бы однимъ со мною хлѣбомъ, пила бы изъ одной со мною чаши; я бы нѣжилъ своего Сильвіо — подкрѣплялъ бы твою слабость; когда заблужденіе твое вызывало бы тебя изъ хижины, я бы по всюду тебя опыскивалъ и провождалъ опять въ убѣжище... При каждомъ захожденіи солнца,

молился бы за себя Богу — и по окончаніи молитвы ны играла бы пѣснь свою на свирѣли. . . . Жертвоприношеніе мое гораздо будетъ пріятнѣе Всевышнему, когда оно сопроводится фиміамомъ сокрушеннаго сердца !!!

Сказавъ это я почувствовалъ страшное трепетаніе груди. Юлія примѣтя, что плаховъ мой очень мокръ хопѣла вымышь его въ ручейкѣ, — Но гдѣ же ты его высушишь мой милая? — На груди моей; мнѣ гораздо будетъ легче отъ этого. — Не уже ли твое сердце до сихъ поръ горячо, моя любезная Юлія?

Я коснулся до той струны, къ кошорой прицѣплялись всѣ ея

горести. . . Она нѣсколько минутъ
 смопрѣла на меня помѣшанными
 глазами, пошомъ — не говоря ни
 слова, взяла свою свирѣль и за-
 играла Гимнъ Богомашери. . . Со-
 трясеніе струной мною спруны
 — утихло. Юлія пришла вѣ себя,
 положила свирѣль и вспала.

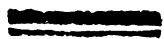
Куда же ты идешь милая
 Юлія? — Вѣ Амбуазу; отвѣчала
 она. — Такъ пойдёмъ вмѣстѣ.

Она взяла меня за руку, и
 опустила веревочку, чибѣ дасть
 свободу собачкѣ бѣжать за нами.

ГЛАВА XXVII.

Раставаніе.

Мы пришли вѣ Амбуазу; всѣ
 площади и улицы наполнены бы-

ли народомъ, копорый жадничалъ видѣшь въ первый разъ Герцогиню. . . Ея благодѣянiя уже съ давняго времени предварили ее прїѣздъ, и удовольствiе блиспало на всѣхъ лицахъ. . . О добродѣшель! вошъ каковы твои прелесни! гдѣ ты ни являешся, повсюду сопровождаетъ шебя радость:

Мы очутились среди спре-
мящейся толпы. Юлiя была из-
вѣсна въ городѣ, и я очень скоро
примѣшилъ, что ее участь прога-
ла многихъ; я оспановился— и хо-
тѣлъ еще разъ съ нею проспихсья.

Юлiя была не большаго роста,
но стройна. Горесъ заклѣймила
ее своею печашью. Она имѣла
видъ привлекашельной, и всю шу

пріятность, какую только можно
найши въ женщинѣ... Ахъ! если
бы она совершенно могла возвра-
тишь свой разумъ, и если бы
изгладилась у меня изъ сердца
черты моей Лизеты, тогда бы
Юлія... О! я бы еще больше здѣлалъ:
Юлія покоилась бы на груди моей
— была бы моею дочерью, или
всѣмъ шѣмъ, что только можетъ
быть для меня всего любезнѣе.

Прощай несчастная Юлія!
элей и вино изливаемые состра-
даніемъ спираника на раны твои,
да облегчатъ скорби горестной...
Существо тебя создавшее въ си-
лахъ и излѣчишь тебя!

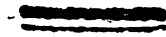
Г Л А В А ХХVIII.

Похваля чувствительность.

Я ожидалъ, что толь прекрасная земля произведетъ величайшую радость въ моей душѣ — но вышло напротивъ. Я не могъ восхищаться ея прелестями. Ни какіе веселые предметы не сильны были развеселить унылаго моего сердца. . . Я безпрестанно думалъ о Юліи; воображалъ ея сидящую подъ ивою въ глубокой задумчивости съ расперзаннымъ сердцемъ. Уже подѣзжалъ я къ Анжирѣ, но Юлія не выходила у меня изъ головы.

Милая чувствительность! неизчерпаемый источникъ совершен-

ныхъ удовольствій и несносныхъ горестей! ты унижаешь своего страдальца, споль же часто, какъ и возвышаешь его до небесъ! вѣчное начало нашихъ ощущеній! твоя сила производитъ во мнѣ такія движенія. . . Душа моя въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ и гибельныхъ припадкахъ помился въ безпечности, и ужасается разрушенія тѣла, которое она оживотворяетъ. . . Я чувствую, что такое разрушеніе должно послѣдовать съ пріятнѣйшими удовольствіями. . . Все происходитъ отъ Тебя, великій Правитель міра! ты смягчаешь наши сердца и дѣлаешь ихъ сострада-

пельными къ несчастіямъ друго-
ва ! по сему шо побужденію и
другъ мой подоидишь ко мнѣ во
время болѣзни, выслушиваешь мой
скорбной стонъ и ищетъ спосо-
бовъ къ моему успокоенію. Это
пріятное состраданіе влагаешь ты
иногда въ душу загрузблага пас-
туха , обитающаго на горахъ хо-
лодныхъ. Онъ приходишь въ жа-
лосшь , когда встрѣчаетъ разшер-
заннаго чужаго ягненка. . . Я ви-
дѣлъ , какъ онъ опершись на свой
посохъ , смотрѣлъ на него съ при-
скорбіемъ. . . Ахъ ! если бы я при-
шелъ сюда пораньше ! вскричалъ
онъ. . . Бѣдной ягненокъ исходитъ
кровью , умираетъ — и пастухъ
впадаетъ въ уныніе.

Да благословитъ тебя Богъ великодушной паспухъ! ты идешь опсюда съ горесшю, но удовольствіе превозможетъ твою печаль, потому, что щастіе окружаетъ талашъ твой. . . Щаслива та, которая живетъ въ немъ съ тобою! щасливы шѣ овечки, которыя вокругъ тебя прыгають!

ГЛАВА ХХІХ.

Ужинъ и благодаренія.

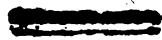
Мнѣ хотѣлось заѣхать къ одному старому моему пріятелю, который поселился въ маленькомъ городѣ Анжу, за шесть миль вправо отъ Анжеры. По этой дорогѣ, говорилъ мнѣ почтадіонъ: не везъ

дѣ можно найми почшовыхъ лошадей... Баринъ знаетъ объ этомъ, отвѣчалъ ему Лафлеръ: спупай куда велѣно. Въ это самое время, опъ каменистой дороги выпала передняя подкова у лошади. Почшайонъ слѣзъ и положилъ ее въ карманъ. Мы не опѣхали еще и одной мили, какъ выпала и другая. По такой дурной дороге не возможно было безъ того ѣхать, чшобъ не засѣклись лошади. По крайней мѣрѣ должно было убавить влады; я всшалъ и пошелъ пѣшкомъ. Не далеко опъ дороги увидѣлъ домъ, и приказалъ къ нему поворошить лошадей. Видъ дома и всего окружнаго спроенія подавалъ мнѣ надежду поправишь

наши недоспашки. Это былъ не большой наемной домъ , обсаженный прекраснымъ винограднымъ кустарникомъ. По одну его сторону виденъ огородъ, въ которомъ насажены разные овощи , нужные къ изобильному содержанію земледѣльческаго дома ; а по другую — маленькая рощица съ дровянымъ лѣсомъ. Я оставилъ почпаліона управляться съ лошадью , а самъ вошелъ въ домъ.

Сѣдой спарикъ , жена его , сынъ , ихъ зяпья съ женами и дѣшми составляли семейство. Они сидѣли всѣ за столомъ и ѣли супъ изъ чечевицы. По срединѣ стола лежалъ большой пшеничной

хлѣбъ ; а бутылки съ виномъ , разставленныя по угламъ , обѣщали нѣкоторое во время стола увеселеніе. Они праздновали день любви и дружбы.

Лишь только я къ нимъ показался , старикъ вспалъ , подошелъ ко мнѣ и просилъ съ почтительною искренностію сѣсть съ ними за столъ. Мое сердце уже было расположено къ тому при самомъ входѣ ; я повиновался безъ всякаго принужденія , какъ будто былъ ихъ семьянинъ ; а чтобъ скорѣе познакомиться съ ними , взявъ у старика ножъ , отрѣзалъ себѣ большой ломоть хлѣба. Это такое произвело дѣйствіе , что всѣ оборотились на меня съ удо-

вольснвїемъ , и казалось , благодарили меня за мою смѣлосшь , которая была имъ добезмѣрности прїятна.

Желалъ бы я очень знать , опѣ чего ихъ кушанье чрезвычай-но было для меня вкусно ? Опѣ чего простое ихъ вино , было такъ сладко , что кажется и по сихъ поръ оно еще у меня на языкѣ ?

Если сполъ былъ по моему вкусу , то забава послѣ него , еще больше мнѣ понравилась.

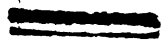
По окончанїи ужина старикъ спужнулъ ножемъ по столу . Это былъ знакъ встать и пригото-вляться къ пляскѣ . Въ одну ми-

нупу всѣ женщины и дѣвушки ушли въ другую комнату завязывать свои волосы; а мужчины и мальчики побѣжали къ дверямъ умыть руки и надѣть башмаки. Минуты черезъ три всѣ были готовы къ началю празднества на маленькой площадкѣ, передъ самымъ домомъ. Старикъ съ спарухою шли позади; подойдя къ дерновой софѣ, они посадили меня между собою.

Старикъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ мастеръ играть на рылѣ и достарости своей сохранилъ это искусство. Жена его припѣвала, а дѣти и внуки ихъ плясали. . . Я самъ плясалъ съ ними мысленно.

Между пляскою примѣшилъ я, что глаза дѣйствующихъ поднимались къверху, а потому заключалъ, что это означало какуюнибудь другую причину, а не одно простое веселіе... Коротче: мнѣ казалось, что къ пляскѣ примѣшанъ нѣкоторой родъ Богослуженія... Мнѣ никогда не случалось видашь подобнаго, слѣдственно я начиналъ думать, что это одна мечта воображенія, которая часто меня обманывала; но старикъ по окончаніи пляски вывелъ меня изъ заблужденія.— Съ начала моей жизни, сказалъ онъ мнѣ: поспавилъ я себѣ за правило, всегда послѣ ужина такимъ

образомъ веселишься. Мнѣ кажется, что человекъ такой непросвѣщенной какъ я, лучше не можешь благодарить Бога, какъ изліяніемъ сердечнаго удовольствія и душевной радости.

И самый ученый Прелатъ, прибавилъ я: конечно этого не оспоришь.

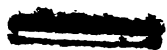
ГЛАВА XXX и послѣдняя.

Слѣствие осторожности.

Между маленькимъ городкомъ куда я ѣхалъ и Ренна, встрѣчающіяся такія горы, спуски, ручьи, овраги, копорые дѣлаютъ дорогу вовсе непроходимую. Прощайте всѣ спремисельныя побужденія!

надобно ѣхать съ превеликою оспорожноспію , и какъ можно тише. Я условился съ почпаліономъ вести меня шагомъ.

Окресшныя обыватели хопя бѣдны , но смирны и чесшны. Не бойшесь ничего любезныя поселяне ! свѣтъ не позавидуешѣ вашей бѣдности — испинному основанію проспыхѣ вашихѣ добродѣшелей. Природа ! посреди всѣхѣ швоихѣ неуспройствѣ , ты благопріятшвуешѣ скѣдоспи По всюду изливашь несчесшныя дары изобиля , а здѣшнему краю предоспавила самую малоспѣ ; но эша малоспѣ ограждена безопащностію и щокровишельствуема собшвенно

шобою. Тутъ сильный не опнима-
етъ ничего у слабого. Щаспливы
нѣ жилища, которые удалены
отъ вождедѣннй и зависти!

Пусть ропщеть упоженный
пушешешественникъ на опасныя ва-
ши дороги, на каменисшыя горы,
на овраги, и на всѣ неудобспва
которые пушь его дѣлаюшѣ шруд-
нымъ, но я милые друзья мои,
люблю очень между ими спран-
спвовать.

Жители сосѣдспвенной де-
ревни цѣлый день очитцали одно
мѣспо на дорогѣ, черезъ кошорое
мнѣ должно было ѣхать. Мы оспа-
новились; а какъ они не могли
прежде двухъ часовъ кончить
своей работы, то не оспавалось

другова средства, кромѣ терпѣ-
нїя. На ту пору пошелъ пресиль-
ной дождь, и повощикъ мой по
неволѣ принужденъ былъ заѣхать
въ корчму, въ близъ лежащую
деревню.

Войдя въ нее, пошчасѣ я за-
нялъ спальну . . . Воздухъ стано-
вился очень холоденъ, и для того
велѣлъ принести дровъ и изгошо-
вить ужинъ. Въ то время какъ
благодарилъ я Бога за то, что
не случилось со мною еще чего
нибудь хуже — прїѣхала въ корч-
му какая-то барыня съ горнич-
ною дѣвушкою.

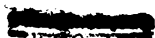
Во всемъ домѣ не было дру-
гой спальни кромѣ моей, почему
хозяйка безъ дальнихъ околичнос-

шей ввела ихъ ко мнѣ, предваря, что въ ней только одинъ Англин-ской Господинъ, а двѣ мягкія по-стели и шрешья въ боковой ком-наткѣ. По пону увѣдомленія хо-зяйки о шрешей посшелъ не лзя было заключашъ хорошаго. Хозяй-ка прибавила, что она смѣешъ надѣяшся что Англичанинъ усп-роишъ все порядочно... А я съ моей стороны — чшобъ не подашъ никакого сомнѣнія барынѣ — под-швердилъ догадку хозяйки соб-ственнымъ своимъ увѣреніемъ.

Но это однакожъ незначило то, чшобъ я дѣлалъ ее власпе-линомъ надъ моею комнатою. Я былъ насшоящій хозяинъ, и мнѣ слѣдовало угощашъ ихъ. Посада

барыню въ самой теплой уголѣ, велѣлъ принести еще дровъ, прибавишь нѣсколько блюдъ къ ужину и не позабышь подать къ столу самаго лучшаго вина.

Барыня поотогрѣвшись у огня, взглянула на постели. Чѣмъ больше она на нихъ смотрѣла, тѣмъ безпокойнѣе казалась. Я и самъ безпокоился за нее — да и за себя шутъ же. И того довольно безпокойства, что обѣ постели стояли въ одной комнатѣ. . . Но всего болѣе тревожило то, что они стояли одна возлѣ другой такъ близко, что кромѣ одного стула, ничего не можно было между ими пославить. . . Съ одной стороны былъ выпущенъ очажной

колпакъ, а съ другой перекладина, кошорья соспавляли нѣкопоройродъ Алькова, весьма непріятнаго для нѣжныхъ нашихъ чувствованій.

Впрочемъ кровали были такъ узки, что барыня никакъ не могла положить съ собою служанку. Если бы нашла она въ этомъ возможноссть, то безсомнѣнїя мое воображеніе не такъ бы много волновалось.

Чтожъ принадлежитъ до боквой комнашки, то она казалась мнѣ со всемъ неудобною; въ ней было и сыро, и холодно, и окны перебиты. Вѣтеръ ревѣлъ шамъ ужасно, и я закашлялся, когда заглянулъ въ нее съ барынею. Избраніе мѣста не такъ то было вы-

годно! или барыня должна была пожертвовать своимъ здоровьемъ для своего цѣломудрїя, уступя поспель горничной дѣвушкѣ; или горничная дѣвушка должна была занять боковую комнашку, оставя госпожу свою на опасность, кошорой пригожее личико могло ее подвергнуть. Выборъ былъ запрудниженъ.

Барыня была молодая Пьемоншка около двадцати пяти лѣтъ, очень не дурна собою; а горничная дѣвушка Лїонка, живая, проворная, и нестарѣе двадцати.

Это по и дѣлало такъ много запрудненїя; а болѣе всего насъ мучилъ спыдъ, другъ съ другомъ обьяснисься.

Ужинъ былъ готовъ; мы сѣли за столъ. Я думаю, что еслибы намъ подали худое вино, то конечно языки наши, были бы до шѣхъ поръ связаны, пока крайняя необходимость дала бы имъ свободу. . . Но пощаснѣю барыня привезла съ собою въ каретѣ нѣнѣсколько добраго бургонскаго вина, котораго приказала своей горничной дѣвучкѣ принести двѣ бушылки. Мало по малу мы чувствовали въ себя доспапочную силу къ ~~объясненію безъ оговорокъ~~ онашемъ положеніи. Мы продумали съ часъ, какъ бы расположить всѣмъ эшимъ. Наконецъ перебирая всякіе способы, заключили между

нами договорныя спашыи, какія въ рядѣ бывали ли когда и въ мирныхъ пракшапахъ. Вотъ онъ:

Статья I.

Право надъ комнатою принадлежитъ господину Англичанину, кошорой почишая ближнюю къ огню кровашь покойнѣе, долженъ уступить ее барынѣ.

Утверждено соспороны барыни, но съ шѣмъ однакожъ, чшобъ завѣсы обѣихъ постель, кошорые очень прозрачны, должны бышь зашпилены булавками, или и совсемъ зашишы, въ томъ намѣреніи, что это послужитъ оградою для Англичанина.

Часть II. Н

Статья II.

Требуется со стороны барыни, чтобъ Англичанинъ во всю ночь не скидалъ съ себя шлафорка.

Отказано пошому, что Англичанинъ шлафорка не имѣетъ; и во всемъ его чемоданѣ ничего нѣтъ болѣе шести рубашекъ, и одного — чернаго шолковаго исподняго плашья.

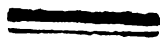
Объявленіе о черномъ шелковомъ плашья, заставило перемѣнить всю эту спашью .. Исподнее плашье признано вмѣсто шлафорка, а пошому и положено чтобъ я всю ночь лежалъ въ черномъ шелковомъ исподномъ плашья.

С т а т ь я III.

Потребно соспороны барыни, что какъ скоро господинъ Англичанинъ ляжешъ въ постель, и потасишся огонь, то чтобъ онъ не говорилъ ни одного слова во всю ночь.

Принятс, но съ шѣмъ, чтобъ чпеніе молишвѣ. Англичанина не почшено было за нарушеніе шракшапа.

Объ одномъ пунктѣ только ~~забыше~~ какимъ образомъ барыня и я должны были раздѣшья и лечь въ постели... Одно было средспиво, которое чипашель конечно угадаешъ... Если оно непокажешся ему

самымъ лучшимъ, это будетъ недоспашокъ въ его воображеніи.

Наконецъ мы легли. Не знаю, по новости ли мѣста, или по какой другой причинѣ, я не только не могъ уснуть, но и незашворялъ глазъ — ворочался то на шу, то на другую сторону... и это продолжалось до двухъ часовъ за полночь, когда ушмясь отъ бессоницы вскричалъ: о Боже мой!

Вы нарушили пракшатъ сударь! сказала мнѣ съ поропливостію барыня, которая также не спала. Я утверждалъ, что такое восклицаніе ни мало не прошивно условію... А она упорно стояла въ томъ, что это совершенное нару-

шеніе пр�кшата, хотя я и оправдывался прешью спашью.

Барыня не хотѣла уступитъ, и споръ нашъ по-ослабилъ нѣсколь-ко ограду... Мнѣ послышалось что двѣ или три булавки выпали изъ завѣса.

По чести сударыня, не я раз-шилилъ завѣсѣ, сказалъ я, про-пянувъ съ поспели руку для луч-шаго убѣжденія. и только лишѣ хотѣлъ прибавитъ: что ни за ка-кія сокровища мѣра, не въ состоя-ніи ~~переступитъ~~ за предѣлы вѣж-ливости — какъ барыня успрашасъ чтобъ споръ нашъ не дошелъ до драки, вспала съ поспели, и по-видимому хотѣла пробрашья за

горничною дѣвушкою; а въ то самое время — просянушая моя рука ее схватила. Въ другой разъ Nonau font qui mal у реніе... Показался уже день. . . Мы ни въ чемъ не упрекали другъ друга. Трактаментъ нашъ былъ выполненъ съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо... Я поѣхалъ въ Рейнъ; а барыня съ своею горничною дѣвушкою отправились въ свой путь.

*Конецъ второй и послѣдней
Части.*
